

ВСПОМНИТЬ БУДУЩЕЕ

Анна и Сергей Литвиновы пишут легко, живо, остро...
Если принялся читать на ночь глядя – прощай сон. От
того Литвиновы и в лидерах жанра.

«КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } АННА И СЕРГЕЙ

ЛИТВИНОВЫ

Агент секретной службы

Анна и Сергей Литвиновы

Вспомнить будущее

«ЭКСМО»

2012

Литвиновы А.

Вспомнить будущее / А. Литвиновы — «Эксмо», 2012 — (Агент секретной службы)

ISBN 978-5-699-58568-7

Экстрасенс Алексей Данилов никогда не занимался частным сыском. Но новая клиентка попросила его именно об этом – найти убийцу ее мужа, владельца сети ювелирных магазинов Михаила Нетребина, жестоко зарезанного прямо под окнами собственного дома. Незадолго до смерти кто-то прислал ему открытку со странными словами: «Твой черед. Настал твой год...» Заинтересовавшись историей семьи Нетребиных, Алексей увидел, что мужчины там умирали каждые двадцать четыре года... Машу воспитывала бабушка. С самого детства ее словно преследовал злой рок: собака изуродовала лицо, жених бросил прямо накануне свадьбы, а потом любовно выстроенный бизнес сгорел на корню... Необычные способности Маша обнаружила в себе не сразу. А когда научилась ими пользоваться, поставила себе цель – найти и уничтожить человека, с которого начались все ее несчастья...

ISBN 978-5-699-58568-7

© Литвиновы А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Алексей Данилов	5
Варя Кононова	8
Алексей Данилов	9
Данилов	15
1940. Нетребины	16
Наши дни. Алексей Данилов	25
Семья Нетребиных. 1944–1954	32
1949 год Берия Лаврентий Павлович, заместитель председателя Совета Министров СССР	33
Семья Нетребиных. Степан	36
Наши дни. Варя Кононова	43
Данилов	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна и Сергей Литвиновы

Вспомнить будущее

Алексей Данилов

Одному жить бывает тошно.

Работа, конечно, спасает – но не до конца. Не будешь ведь все время трудиться, как бешеный топ-менеджер корпорации «Панасоник». К тому же у управленцев высокого уровня имеются жены, любовницы и секретарши. А я – совершенно одинок.

Казалось бы, в чем проблема – завести себе даму сердца? Три четверти моих клиентов – женщины, каждая вторая из них молода, мила и богата, и все они (за редчайшим исключением) почтут за благо скрасить мое холостяцкое бытие. А не хочешь связываться с клиентками – выйди на улицу, в спортивный клуб, в супермаркет. Молодой, хорошо одетый мужчина тут же оказывается под прицелом заинтересованных взглядов. Только выбирай.

Но никогда я не искал легких путей.

Мысли мои все чаще в последнее время обращались к совершенно не подходящей женщине. Не то чтобы хорошо мне знакомой. Или даже более-менее известной. Просто – пару раз встреченной на крутых дорожках. Причем я не сомневался: она должна испытывать по отношению ко мне самые негативные чувства. Потому что наши пути пересекались дважды, я ей дважды противодействовал, и оба раза оставил в дураках¹. А она – как мне казалось – ни по свойствам характера, ни по долгу службы не принадлежала к числу тех страдалниц, которым доставляет удовольствие поражение или унижение.

Чего уж там ходить вокруг да около! Я думал о Варваре. Варваре Кононовой. Если, конечно, ее имя – реальное, а не чекистский псевдоним (на которые это племя гораздо). Но как бы она ни звалась, из моей головы никак не шла. Я просыпался по утрам, и первое, что воображалось мне: ее широкое, красивое, очень русское лицо с черными бровями вразлет; ее мощные стати и плечи спортсменки; ее говор – точный, умный, порой жесткий и язвительный; тембр ее голоса – бархатистый. И когда я думал о ней, сладкое чувство разливалось в моей груди, холодно становилось под ложечкой и воображались различные картины совместного с Варварой времяпрепровождения. Что характерно, грубый секс занимал в моих мечтаниях весьма незначительное место, что неопровержимо свидетельствовало о наличии в отношении гражданки Кононовой не голой похоти с моей стороны, а гораздо более возвышенного и глубокого чувства. Глупо таиться от самого себя! Пожалуй, можно было сказать, что я в Варвару влюблен. Странная прихоть.

Проблема, однако, заключалась даже не в том, что после унижений, которым я подверг в профессиональном плане Варвару, она не захочет со мной видаться и встречаться. Уболтать, уговорить, покорить можно любую. В своих способностях я не сомневался. Вопрос лишь времени и упорства. Однако в десятиmillionной Москве (плюс ежедневно приезжих пять миллионов) не было у меня шансов отыскать одну отдельно взятую особу. Даже со всеми моими талантами. Потому как девушка не числилась ни в каких адресных базах: ни по месту регистрации, ни по владению квартирой, участком или авто, ни по налогам или кредитам. В нашем насквозь оцифрованном и стандартизированном мире одну категорию населения разыскать до чрезвычайности трудно: действующих или даже бывших сотрудников спецслужб. Мне мой импресарио и друг Сименс – прошедший огонь, воду и медные трубы, умеющий достать звезду

---

¹ Подробнее читайте об этом в романах Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят» и «В свободном падении», издательство «Эксмо».

со дна моря и рыбку из пучин мирового космоса – о том же сказал, когда я поделился с ним своей печалью: «И не пытайся».

Однако оставался у меня метод – доступный, из громадной массы столичных жителей, пожалуй, одному только мне. Мне, единственному. Но стоило ли расходовать энергию, чтоб им воспользоваться?.. Да и имел ли я право? Хороший врач ведь никогда не лечит самого себя.

Размышлизмы мои прервал звонок от Сименса. Верный помощник названивает мне каждый день как минимум два раза – даже если нет особых дел. То ли он таким образом поддерживает меня в тонусе, то ли стережется от собственного увольнения. В этот раз, к сожалению, веская причина побеспокоить меня у него имелась.

– К тебе на прием просится одна дама, – начал мой антрепренер. – Возбуждена. Обещает заплатить любые деньги. Это хороший признак. Особенно если учесть, что они, деньги, у нее, дамы, судя по всему, имеются.

Просто так ко мне на консультацию не запишешься. Никакой рекламы о моей деятельности мы с Сименсом не даем. Никаких афиш и, упаси бог, интервью. Человеку, страждущему моей помощи, требуется, для начала, отыскать номер телефона моего помощника. А он засекречен не хуже, чем у Варвары.

– Кто такая? – осведомился я.

– Как всегда, богатенькая жена. Самый твой контингент.

– Что с ней?

– Насколько я понял, лично с ней ничего. Проблема с ее мужем. Что-то ему угрожает. Нечто неизведанное. Супруга уверяет, что дело не терпит отлагательств. Я записал ее на завтра, на десять. Зовут ее Нетребина Алина Григорьевна. У тебя как раз окно.

– О господи! – простонал я.

– Знаю-знаю, работать ты не любишь. Но ведь нам же надо чем-то оплачивать счета. За офис аренду подняли. Авто тебе новое пора покупать. Раз хочет женщина отдать любые деньги – отчего ж не взять?

– Циник ты, Сименс, – вздохнул я, но в календаре у себя пометил: завтра, в десять, в офисе. Значит, придется вставать ни свет ни заря, а потом по пробкам тащиться к нам на Большую Полянку. Да, прав Сименс: работать я не люблю. А кто, спрашивается, любит?

Я выбросил из головы завтрашнюю встречу с богатой дамочкой и снова взялся думать о личном. О Варе Кононовой. И к вечеру принял решение. Злоупотребить служебным положением и Варвару *вызвать*.

В самом деле: если ты, голубушка, засекречена так, что я не могу сделать первый шаг – его придется делать *тебе*. Пусть твое самолюбие немножко пострадает. Ведь ты не будешь знать, что не сама ко мне пришла, а я тебе *приказал*. А я тебе ни в коем случае не признаюсь.

Процедурой я пользовался в жизни всего пару раз. Но предполагал, что здесь не может и не должно быть строгих правил. Королева всего – импровизация. Главное только – очень сильно захотеть.

Процесс, чем-то похожий на подростковые занятия мастурбацией – только без самой мастурбации.

Я устроился в глубоком кресле и представлял себе: вот раскрывается дверь (дверь – это важно, это обязательный элемент, как символ входа или перехода), и *она* появляется. И я очень, прямо-таки ужасно рад ее видеть. У меня все в душе аж замирает и растекается, как я ей рад. И мне доставляет громадное удовольствие лицезреть ее светло-зеленые очи, и высокий лоб, и широкие скулы, всегда румяные от спорта или от здорового питания. И я в упоении разглядываю ее шею, и богатое декольте, и эту впадинку между грудями... И мощные плечи спортсменки, и совсем не аристократические, но отчего-то столь милые мне руки... И еще Варвару чрезвычайно украшает тонкая талия – особенно по контрасту со впечатляющей грудью и бедрами. А я вспоминаю, сколь приятен тембр ее голоса, и сколь очевидный ум чувствуется

во всех ее разговорах. «Приди, о приди же, приди!» – мысленно кричу я. А потом повторяю свое заклинание – вкупе с теми посулами, какими я осыплю девушку, когда она появится: как буду я ласков, терпелив, понимающ, не скуп, вдохновенен, остроумен, весел и добродушен.

«Как же тебе будет хорошо со мной!» – посылаю я – сам не зная куда, в некое ментальное четвертое измерение – свой призыв.

Варя Кононова

Обычный был вечер: ужин, новости по телику, пенная ванна с бокалом вина, французским сыром и романом Агаты Кристи. Варя давно уже научилась отыскивать плюсы в своем одиночестве. Пусть не с кем перекинуться словом и некого попросить принести в ванную свежее полотенце – зато не надо терпеть ничьих причуд, выполнять глупых требований. Можно никого не пускать в собственное пространство. А полотенце в ванную несложно принести самой, заходя.

Все в жизни ее на данный момент устраивало. Интереснейшая работа, замечательный начальник, ничего не болит, ничто не тревожит, наслаждайся себе старушкой Агатой и в тысячный раз поражайся коварству доктора Шеппарда.

Варя умела тихими, одинокими вечерами отключаться от всех рабочих ситуаций-проблем. Но сегодня в ее спокойное, выверенное бытие – попыталось ворваться постороннее. Да какое! Вдруг (когда читала напряженнейший диалог Эркюля Пуаро с негодяем Шеппардом) представилось, что вместе с нею, в ванне, нежится Леша Данилов, фигурант по двум ее делам. Обаятельный, самоуверенный и талантливый парень.

Видение оказалось настолько ярким, что Варя даже глаза скосила: вдруг Данилов *действительно* рядом? Вынырнул из своего паранормального мира?!

Улыбнулась собственной странной фантазии, постаралась сосредоточиться на книжке – но Алексей никак не желал уходить. Вспоминались то его открытая улыбка, то милый, южный юмор. Даже мысль мелькнула: «Позвонить, что ли, ему? Притвориться, что по работе? Узнать, как поживает, чем сейчас занят?»

Впрочем, Варя тут же сделала над собой усилие и решительно выбросила мысли об Алексее из головы. Мало ли, чего ей хочется? Никакого дела к Данилову у нее нет, а вступать с фигурантами в личные отношения она не имеет права.

Алексей Данилов

Дама, пришедшая ко мне, была расстроена и сосредоточена. В том не было ничего необычного. Большинство моих клиентов – дамы. Большинство из них расстроены и сосредоточены. Правда, мне показалось, что эта *очень* расстроена и *слишком* сосредоточена. Впрочем, данное обстоятельство могло свидетельствовать как о сложности случая, так и о личных качествах женщины, принимающей все до чрезвычайности близко к сердцу. И речь могла идти всего лишь о пропаже любимой («я ношу ее со школы, и она приносит мне удачу»)! заколки для волос.

Я исподволь осмотрел и оценил гражданку. Мне отчего-то показалось, что наше с ней сотрудничество не ограничится одной встречей, и потому я хотел составить о ней представление. По десятибалльной шкале зажатости я бы поставил ей сейчас одиннадцать. Мышцы вокруг ее рта напряжены. Губы вытянулись в нитку. Напряжен и плечевой пояс, а пальцы рук непроизвольно сжаты в кулаки. А жаль, потому что сама по себе пациентка была очень даже ничего. Не в моем вкусе, правда – слишком уж холодна и правильна – однако объективности ради следовало сказать, что все в ней было комильфо. Правильные и породистые черты лица, тонкие пальцы, скульптурный, словно мраморный, лоб. А кроме того, деловой, весьма недешевый костюм, стильная стрижка, свежий маникюр, дорогие сумочка и туфли. Имидж у нее, по жизни, видимо, был всегдашняя победительница, вечная отличница. Образец во всем, человек, с которым никогда ничего не случается. Тем удивительнее было видеть ее, всю напряженную, в моем кабинете.

Поэтому гостью я встретил особенно тепло. Встал со своего места, поклонился, подвинул стул. Ничто так благотворно не действует на прекрасный пол, как маленькие знаки внимания.

– Что привело вас ко мне? – спросил я, заняв свое место напротив. Голосу постарался придать как можно более мягкое звучание.

– Ах, столько всего происходит! – проговорила она глубоким грудным контральто. – Даже не знаю, с чего начать.

– С того, что стало последней каплей.

– Последней каплей? – Она на минуту задумалась, потом с усилием проговорила: – Пожалуй, та история с кровью. – Она чуть заметно вздрогнула.

– Расскажите. Вы же как человек, несомненно, образованный должны знать истину: чем больше выговариваешь неприятности, тем менее они болят.

– Мы с мужем приехали на дачу, – начала она, собравшись и без лишних предисловий. – У нас там, на участке, есть беседка. Мы обычно в ней накрываем чай, когда пожалуют гости. Или шашлыки делаем. И вот – мы не сразу заметили – я увидела уже в субботу днем. На столе в беседке стоит тарелка. Глубокая. В ней лежит что-то. А сама тарелка наполнена кровью.

Женщина еще раз содрогнулась.

– Так, – глубокомысленно проговорил я и замолчал, вынуждая ее продолжить историю.

– Я закричала. Позвала мужа. Он прибежал. Тоже очень расстроился. Побледнел. Мне показалось, чуть в обморок не упал. Я его никогда таким не видела. Я, когда пришла в себя, тарелку помыла, конечно. И знаете, что там в ней было? Дешевая бижутерия. Серьги, бусы. Из тех, что в переходах продаются, по три копейки.

– А вы уверены, что в тарелке находилась именно кровь? Не кетчуп? Не томатный соус?

– К сожалению, – ее снова передернуло, – это точно была кровь. И запах, и консистенция.

– Странная шутка, – озвучил я первую пришедшую мне в голову мысль. – Похоже на детскую игру.

– Ничего себе игрушки!

– Вам было неприятно? Или вы испугались?

– Какая разница! Убила бы того, кто это сделал!

– А потом, – пронизательно спросил я в духе последователей доктора Фрейда, – когда гнев и злость прошли, вы пытались сформулировать для себя, что означало то послание в виде тарелки?

– Пыталась. Натуральный символизм. Но что они хотели этим сказать? Твой бизнес на крови замешен? Твои бриллианты преступно заработаны? Или еще какой намек дурацкий?

– А вы имеете какое-то профессиональное отношение к бриллиантам?

– Я – нет. Муж – да. У него своя фирма. Называется «Бриллиантовый мир». Семнадцать магазинов по продаже ювелирных изделий. По всей стране.

– А вы в полицию не обращались?

– Вы смеетесь? С чем? С этой тарелочкой?

– А соседи по даче? Их не расспрашивали?

– О чем?

– Кто к вам на участок проникал – может, они видели?

– Да нет, зачем мы будем привлекать внимание соседей к личным проблемам?

– Удивительная история, – размыслил я вслух. – И какая-то несерьезная. Из тех, знаете ли, когда на листке из школьной тетради пишут неустойчивым почерком: положите в дупло дуба сто рублей, а не то будет плохо. А как вы думаете, кому сей приколы адресовался? Вам? Супругу вашему? Или, может быть, это и впрямь шутка детей?

– У нас с мужем нет детей, – очень сухо и очень холодно отвечала посетительница.

– Тогда кому послание?

– Ему. Мужу. И он его воспринял. И совсем не как шутку. Он ничего не рассказывал мне, но я же видела: происшедшее его задело. Очень задело. Все выходные он был нелюдимым, неразговорчивым. Когда я попыталась вызвать его на откровенность, расспросить – он вспылил, раскричался.

– Конечно, ни о какой экспертизе речи не шло?

– Что вы имеете в виду?

– Кровь в тарелке – она была чья? Если животного, то какого? Если вдруг человеческая – какой группы?

– Разумеется, нет. Какая там экспертиза!

– Может, с вами случались другие неприятности в последнее время?

– Со мной все в порядке. А вот с Мишей, Михаилом Юрьевичем, моим мужем... Да, я уверена: нечто плохое в его жизни происходит. Но что конкретно с ним творится – я могу только догадываться. Причем очень смутно. Он на откровенность со мной, увы, не идет.

– Проблемы в его бизнесе?

– Полагаю, что так.

– Другая женщина?

Ее лицо чуть потемнело и слегка закаменело.

– Надеюсь, нет. Хотя все может быть. С мужчинами никогда нельзя зарекаться. Но прямых улик и поводов для подозрений у меня не имеется.

– Что-то еще происходило?

– Был другой момент, когда Миша испугался. По-настоящему испугался. Хотя, на мой взгляд, дело не стоило выеденного яйца. Опять чья-то шутка. Нелепая и неудачная.

– Что именно?

– Как-то мы с ним утром вышли из квартиры вместе. Обычно такое нечасто бывает, всегда он уезжает или уходит на работу спозаранку – он вообще у меня жаворонок. Я же покидаю дом гораздо позже. А тут Миша предложил меня подбросить, яехала в поликлинику. Мы вышли из лифта вместе, и я машинально шагнула к почтовому ящику. Ключ от него есть у нас у обоих, и Михаил Юрьевич, как я знаю, по утрам всегда ящик открывает. Просматривает, что

туда накидали, но обычно оставляет его содержимое на месте, чтоб я забрала – тем более что ничего интересного или важного по почте нам не приходит. Газет мы не выписываем, бумажную переписку ни с кем не ведем, поэтому попадают в основном счета, налоговые уведомления или штрафы. Ну, и рекламная рассылка, разумеется.

– Вы хотите сказать: послание адресовалось вашему мужу? Недоброжелатель (если он был) заранее изучил ваши привычки и знал, что ящик откроет именно Михаил Юрьевич?

– Не знаю, однако письмо и впрямь адресовалось ему. А я его прочла чисто случайно.

– Что там было?

– Да ничего особенного. Просто открытка. Обычная, почтовая. Какие во всех туристических местах продают. По пять штук за один евро, знаете? Вот и на той изображен был какой-то средневековый европейский городок. Судя по архитектуре, немецкий. Во всяком случае, стиль готический. Я сперва думала: очередная реклама – трюк турфирмы – и карточку перевернула. А там марка наклеена. Наш почтовый адрес, от руки написан, все честь по чести, имя получателя, по-русски: Нетребину Михаилу Юрьевичу – и короткий текст. Тоже от руки, несколько слов, я их накрепко запомнила. Всего пять слов. Что-то вроде стиха: «Твой черед. Настал твой год».

– Твой черед, настал твой год, – автоматически повторил за ней я, – действительно, легко запомнить.

Женщина усмехнулась совсем невесело:

– Особенно если увидишь, какой эффект вызывают эти, в общем, невинные слова.

– Да? Ваш муж испугался?

– Очень! Он как раз уже завел машину. Я подседа к нему, протянула открытку. Он взял, прочел, перевернул, увидел картинку – и буквально переменился в лице. Аж побелел весь. Знаете, в старых романах было выражение: будто пораженный громом. Вот и его будто оглушило. Словно граната разорвалась. Я Мишу спрашиваю, сначала со смехом: что, мол, такое случилось? – а он молчит. Я снова, уже с тревогой: «Миша, Миша!» И тут он очнулся да как заорет на меня: «Ты почему читаешь чужие письма?! Да кто тебе дал право?!» Ну и всякую такую вашу мужскую ересь несет. Когда вы на слабых да на женщинах свои неудачи и тревоги вымещаете.

«А вы, дамочка, оказывается, феминистка», – с усмешкой подумал я, но со своими комментариями в ее рассказ встревать не стал.

– А потом он взял открытку, со злобой смял ее, но ему показалось мало, и тогда он выскочил из машины, порвал на мелкие кусочки, сжал в кулаке, добежал до ближайшего мусорного бака, бросил в него. И только после пробежки, выпустив пар, хоть немного успокоился. Сел за руль, громко сказал: «Будем считать случившееся неудачной шуткой» – и больше мы никогда с ним происшедшее не обсуждали. Но я видела: ему как-то поплохело после происшествия. Он и без того дерганым был в последнее время – а тут совсем разнервничался. Иногда взглянешь на него, когда он думает, что никто не видит – а он сидит как истукан, весь бледный, на лбу бисеринки пота, а в глазах – ужас. А еще если до него неожиданно дотронешься, он весь аж дернется от страха – хотя всегда мужик был неробкого десятка – я и прикасаться к нему прекратила.

– Значит, сама роковая открытка погибла безвозвратно, – уточнил я. – А что вы про нее запомнили? Какой там город был изображен? Обычно ведь на туристических карточках название подписывают.

– И там оно тоже было, – кивнула дама. – Но не на лицевой стороне, не на самой фотографии, а на обороте, там, где текст и адрес, маленькими буквами. Я хоть увидела, да не запомнила. Что-то немецкое мне показалось. Или, может, бельгийское, голландское? Но вот что? Город мне совершенно незнакомый. Не Берлин, не Гамбург, не Нюрнберг.

– А вы говорите, на открытку была приклеена марка?

– Да, была. Какая-то тоже заграничная. Гашенная штемпелем.
– А почерк? Мужской, женский? Ручкой написано, карандашом, фломастером?
– Почерк, мне кажется, такой быстрый, размашистый, словно человек привык много писать. Но вот адрес – там, наоборот, каждая буква отдельно, тщательно выписана: улица, город, страна. А мужчина писал или женщина, не могу вам сказать. Никакого впечатления у меня не создалось.

– А само послание? Как там? «Твой черед, пришел твой год»?

– «Твой черед, настал твой год», – машинально поправила гостя.

– Вы говорите, с мужем это не обсуждали?

– Нет.

– Даже не заговаривали?

– Нет. Я его слишком хорошо знаю. Понимала, что, если начну, наткнусь, как минимум, на приступ гнева.

– Но сама-то вы по поводу послания размышляли? Идеи, догадки появлялись?

– Размышляла – но ни до чего не додумалась. Кроме лежащего на поверхности, у мужа в жизни есть тайна, имеется могущественный враг, и Миша стал чего-то смертельно бояться.

– Может, кто-то у вас знакомый в Германии (Бельгии, Нидерландах) живет? Недоброжелатель?

– Я и в этом направлении думала. Без толку. – Все время внешне холодная и даже безучастная, она вдруг неожиданно добавила личностную оценку происходящего: – Извелась прямо вся. – Прозвучало немножко неорганично для ее ледяного аристократизма, слишком простонародно, зато искренне.

– А супруг ваш в тех краях бывал? Или, может, вы вместе с ним ездили?

– Он у меня все больше по экзотическим странам специализируется. Ювелир, знаете. Индия, Вьетнам, Таиланд, Колумбия, Венесуэла. Но летать туда он всегда старался через Европу. Через Франкфурт, иногда через Париж. Объяснял, что так удобнее, а потом какие-то интересы у него в Европе все-таки были, поэтому он там почти всегда на день-два задерживался. Или на пути туда, или на обратном. Но что за интересы и что он там делал – я ни малейшего понятия не имею.

Женщина в процессе разговора расслабилась. Мышцы уже не были столь напряжены, как вначале, руки спокойно лежали на коленях, дыхание стало ровным, скулы порозовели.

– Алина Григорьевна, – сказал я осторожно. – Вероятно, вам сказали, что я в своей работе использую определенные экстрасенсорные способы расследования...

– Я потому именно к вам и пришла.

– ...поэтому я хочу попросить позволения посмотреть вас. Посмотреть ментально, я имею в виду. Я вас ни в коем случае ни в чем не подозреваю – однако вы, конечно, знаете, что память наша устроена странным образом. То, что напрочь, кажется, и безнадежно забылось – в подсознании на деле осталось. Какая-то незначительная деталь, которую вы увидели да всерьез не приняли, на деле вырастает в большую проблему.

– Что-то вроде сеанса гипноза, – поняливо кивнула гостя.

– Только безо всякого сна. Вы будете в здравом уме и полном сознании.

– Значит, сеанс черной магии с последующим разоблачением, – слабо улыбнулась Алина Григорьевна.

– Приятно иметь дело со столь культурным, начитанным человеком, – кивнул я. – Что ж! Я, со своей стороны, хочу заверить, что все, что я, так сказать, увижу в вас, останется строго между нами, это разглашению не подлежит и ни в коем случае не будет использовано против вас.

– Да уж, будьте добры.

– Дайте мне руку. Закройте глаза. Подумайте о предмете нашей беседы. О муже. Открытке. Прочих происшествиях.

Я не просто хотел выудить из клиентки больше деталей (кои и впрямь имеют свойство застревать в подсознании). В ходе нашей с ней беседы мне показалось, что она со мной не до конца искренна. Точнее, что есть у нее по отношению к собственному супругу определенные угрызения совести. Чтобы проверить догадку, я и собирался заглянуть в ее мозги. К тому же если бы она вдруг отказалась от «сканирования», я бы мог с чистым сердцем, в свою очередь, отступить от дальнейшей работы с нею. А я в данном случае предчувствовал долгую, сложную, а может, даже опасную возню.

Однако она согласилась на сканирование – и, взявшись за гуж, негоже было говорить, что не дюж. Я подошел к ней, сел в пустое кресло рядом, принял ее руку и постарался на пару минут *стать* ею.

Поразительно! Когда б люди знали, сколь глубоко я могу проникать в их ментальные тайны, они бы, я думаю, никогда б не давали мне согласия на прочтение их душ. Но народ то ли относится к процедуре несерьезно, как к игре, то ли не верит в мои сверхспособности и поэтому позволяет заглянуть к ним в нутро с легкостью необыкновенной.

Вот и Нетребина. Прикрыла глазки, протянула ручку – и отдалась мне. В духовном смысле, естественно. Однако я подобное проникновение считаю более интимным, более глубоким, чем ли, чем любой физический, физиологический контакт. И, может быть, напротив, хорошо, что дамочки, мои клиентки, о подобном не задумываются – иначе вряд ли кто-то из них позволил мне проделывать с ними такие кунштюки. А с Алиной проникновение оказалось столь глубоким, как редко бывает – видимо, сыграла свою роль наша предварительная беседа, в ходе которой я осторожно, кругами, подбирался к ней. Впрочем, *свою* последнюю мысль я додумать не успел. С головой погрузился в *чужие*.

«Думай об открытке. Открытка. Этот Данилов так за нее уцепился. Может, она и вправду свою роль сыграет? Интересно, он сумеет догадаться о Павлике? Куда там ему! Просто шарлатан. Вон, сидит, напыщенный, важный, глазки прикрыл. Делает вид, что мысли мои читает. Ха. Зря я к нему пришла. Хотя любопытно, конечно. Как только люди деньги не зарабатывают. Но пятнадцать тысяч за сеанс – это чересчур. Десятки бы за его потуги хватило. И Мише он вряд ли чем поможет. Хотя Мишенька, конечно, мое все. И если с ним что действительно случится, я буду несчастнейшей особой. Несмотря на все деньги, которые он мне, конечно же, оставит. Но что – деньги? Он свою – а заодно мою – жизнь организует, он заставляет все вокруг себя вращаться. А без него как эту чертовку-жизнь растолкать? Чтобы повариха приходила и нужное готовила, чтобы шофер в нужный момент приезжал, я и сама договорюсь. Но как сделать, чтобы все счета оплачивались и все мне кланялись? Что будет, если эти самые счета *нечем* будет оплачивать? Я ведь даже не знаю, сколько у Мишеньки денег. Миллион, два, три, десять? Куда они все вложены? Долги? И ведь не спросишь у него, не узнаешь – сразу начинает орать.

А что, если – и тут она ощутила ледяной, давящий, тошнотворный, животный страх – у него уже нет денег? Что, если он разорился? Или разорится? Или, того хуже, у него появилась другая женщина, и он все, что у нас с ним есть, отдаст ей? Просто подарит? А что, я знаю, бывали случаи. Нет, нет, не надо об этом даже думать! Не надо! Разве ты не знаешь: если чего-то очень сильно боишься, оно всегда и происходит! Поэтому, пожалуйста, пожалуйста – не думай об этом: Миша меня любит, а если даже не любит, то живет все равно со мной. Пока – со мной. А значит, случись с ним что – я его жена, и я буду его вдова, и все станет – мое».

Она отогнала свой страх, подавила – словно из неприятной, скользкой воды вынырнула – и стала думать уже спокойнее:

«А если муж вдруг узнает про Павлика? Хотя он же знает, что Павлик когда-то у меня был, что я с ним жила – пережил ведь, не умер. И меня не убил. Поэтому и то, что я с ним встречалась сейчас – переживет. Ну, трахнулись по старой дружбе, да, главное из любопыт-

ства: помнит ли тело? Все ли осталось? Мишаня ведь не знает и не узнает никогда, как мне с Павликом хорошо было – и тогда, раньше, и в этот раз, – что он сам меня никогда настолько не пробивал, и, если Павлик вдруг снова позвонит и пригласит, я снова пойду. Хоть это и грех, и обман, и опасно очень, а все равно, оттого что грех, обман, опасность – еще даже ярче становится, круче, эффектней. Звезды, звезды, россыпь, фейерверки!

Нет, надо уgomониться. О чем там этот экстрасенс спрашивал? Об открытке? Вот и нужно думать об открытке. Из какого города ее, и правда, посылали? Я ведь заметила – а забыла. Что-то немецкое. И еще там буква «р» в названии была. Может, даже в начале? Румпель? Рутберг? Розенштадт? Ротенберг? Или, наоборот, «р» в конце? Блюхер? Бамберг? Ламберт? Нет, черт, не помню. Помню, кирха, колокольни, штуки две или три, старые, готические. Помню почерк – написано вроде одной ручкой, а как будто два разных человека писали, адрес очень тщательно выписан, а сам текст – быстро-быстро. И непонятно, что означают слова про этот год и черед... Какая-то угроза, но странная, смутная, и почему Мишаня так испугался? Может быть, и те крики его той ночью с этим годом связаны, когда он метался и кричал – сроду никогда не кричал во сне, а тут вдруг на тебе: «Двадцать четыре! Почему двадцать четыре?!» Я его тогда разбудила, испугалась, пожалела – а может, зря, может, он бы еще что-нибудь выболтал про то, что скрывает? Но при чем здесь двадцать четыре? Если год – двадцать четвертый еще только будет, а сейчас год двенадцатый, чего бояться?»

Данилов

Много я не узнал – но закрыл свой ментальный шлюз. Нельзя злоупотреблять своими возможностями, да и непросто это – в чужие мысли и судьбу проникать, даже испросивши разрешения. Но главное я понял: гостя моя довольно искренна. Против мужа она ничего не злоумышляет и реально за него боится. А Павлик – что такое по нынешним разгульным временам значит тот Павлик!

Впрочем, я не удержался от возможности поразить клиентку и продемонстрировать собственные силы. Когда мы прощались с госпожой Нетребиной, небрежно бросил:

– И поосторожней с Павликом. Не приведи господь, муж узнает!

И, не обращая внимания на ошеломленно округлившиеся глаза визитерши, выпроводил ее за дверь. Немного по-мальчишески, я согласен. Впрочем, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что во взрослых людях мальчишеского и девчоночьего на деле гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Обычно я решаю проблему клиента сразу, во время сеанса. Говорю, где находится, допустим, потерянное колечко, куда сбежал из дома строптивый сын-подросток, с кем проводит субботы ветреный муж.

Однако с Нетребиной все оказалось непросто. Я пытался сконцентрироваться, вырвать у высших сфер ответ на ее вопрос: что происходит с ее супругом – но решительно ничего не видел. Чувствовал лишь одно: безделушки в крови, загадочная открытка – вовсе не глупые шутки какой-нибудь секретарши, обиженной невниманием (или излишним вниманием) шефа. В посланиях Нетребину явно имелся смысл. Глубоко скрытый, зловещий.

Я не люблю *тащить работу в постель*, но сегодня мне ничего не оставалось. И прежде чем лечь спать, я применил простейший прием: долго думал о деле Нетребной. Неведомые силы, что мне помогают, обычно понимают намек. И присылают – во сне – если не разгадку, то хотя бы направление, куда двигаться.

Однако настало утро, а я по-прежнему не выбрался из тупика.

Да что там: я запутался еще больше! Потому что единственное, что осталось после ночных грез, были цифры. Ряд из четырех чисел: 40, 64, 88, 12.

Сначала я вообще не понял, в чем заключается смысл последовательности. Однако на помощь пришла логика. В мозгу услужливо промелькнул странный стишок с открытки. Как там: «Твой черед, настал твой год?» А сейчас как раз двенадцатый на дворе. Последнее число в том ряду, что мне приснился.

Я задумался. Получается, послание высших сил – связано с датами? В нынешнем, 2012-м, – странные *знаки судьбы* преследуют бизнесмена Нетребина. Надо будет спросить у его жены: происходило ли что-то роковое в его семье – в предвоенном сороковом? Оптимистичном шестидесят четвертом? Перестроечном восемьдесят восьмом?..

Я углядел и еще одну закономерность: временной промежуток. Все даты были разделены одинаковыми отрезками – в двадцать четыре года. Вспомним кошмарный сон Нетребина. Алина Григорьевна рассказывала, он во сне кричал: «Почему двадцать четыре?»

Но что все это могло означать?

Я решительно не понимал.

А через два дня утренние новости сообщили мне о том, что вчера около полуночи на ***ском бульваре в Москве был убит бизнесмен, владелец фирмы «Бриллиантовый мир» Михаил Юрьевич Нетребин.

1940. Нетребины

У Темы и Степы Нетребиных было такое детство – дай бог любому мальчику в советской стране подобного. Голода и других ужасов военного коммунизма они почти не помнили, потому как, когда пришла революция, Великая Октябрьская, она же социалистическая, старшему, Степе, минуло три годика, а младшенькому, Теме, год. Соответственно когда мальчики стали себя осознавать, тут и жизнь начала налаживаться. А кошмары пролетарской революции – выселения, подселения, уплотнения – их семьи не коснулись. И жили они в четырехкомнатной квартире в центре города, и на столе всегда, в самые тяжелые годы, были белые булки, коровье масло и курица в супе. Были прислуга Пелагея, громадная библиотека, кабинет отчима и даже своя собственная комната – детская.

А все потому, что мама и отчим были врачами. И важнее даже, что были они не просто врачами, а (как Степа понял гораздо позже) врачами-гинекологами. Потому что новая элита, партийная да советская, еще вчера голытьба, невежественный пролетариат, испытывала почти религиозный, мистический страх перед докторами. Однако они, эти товарищи Клим и Васьки, Кобы и Йосики, все-таки готовы были ради торжества революционной законности расстрелять даже лекаря. И в отсутствие настоящего эскулапа обходиться «фершалом» или бабкой – когда речь шла о собственном переломе или поносе, грыже или геморрое. Но вот их супружницы, Маньки, Парашки и Глашки, которые еще вчера стирали исподнее в корытах и рожали в стогах, теперь, ставши барынями, требовали соответственного к себе отношения. И рожать тоже захотели, как барыни: в стерильных палатах, под присмотром врача в пенсне, а не повитухи с красными руками. А иные даже начинали заказывать, чтобы им, как заграничным штучкам, делали операции по прекращению нежелательной беременности. Или, напротив, проводили процедуры для наступления беременности желательной. И потому ни одна из этих Манек и Глашек не могла допустить, чтобы ее Клим, Васек или Йосик, ставший председателем красносаженского губисполкома или членом бюро губкома, тронул бы хоть чем или ущемил врача Павла Андреевича Ставского и жену его Марию Викторовну Нетребину.

Вот и росли Артем и Степан Нетребины, как никто в их городе, ни один мальчик в Красносаженске (в прошлом Екатеринограде) не жил – включая даже Володю Крамского, сына председателя областного исполкома. Потому что Клим Крамского вычистили в тридцать первом из партии – скрыл, мерзавец, что дядюшка у него был сельским попиком. А в тридцать седьмом его вовсе посадили и дали десять лет без права переписки, и жена, Глафира Крамская, также осуждена была как жена врага народа – и плакала роскошная Володина квартира, прислуга и персональный автомобиль, отвозивший мальчика в школу. Слава богу, Володьку в детдом не забрали, пусть спасибо скажет, родственники со стороны жены отбили, приютили, чуть не усыновили.

Но Нетребиных-старших чистки, высылки, уплотнения и аресты за все годы советской власти ни разу не коснулись. Мальчикам даже в вузы удалось поступить безо всяких препон, каковые ставились на пути тех, кто не из рабочих, не из крестьян, а из бывших или интеллигенция – бере, одним словом. Влияние отчима Ставского и мамы, правда, не простиралось до Москвы, Ленинграда или хотя бы до Киева с Харьковом. Оно вообще не распространялось за пределы родного Красносаженска и Красносаженской области – но Степе с Темой того хватило.

В их городе советская власть, одержимая идеей донести свет просвещения до каждого пролетария и крестьянина, создала три (как она называла) *вуза*, или высших учебных заведения: медицинский, политехнический и строительный. Прямая дорога Теме и Степе была в медицинский, где отчим с матерью совместными усилиями держали кафедру, – однако оба мальчика отказались наотрез. В них чуть ли не с пеленок жил атавистический ужас перед анатомическим подробным атласом и животастыми бабами, приходившими к маме и отчиму домой

на частный прием. Вот и выбрал старший, Степа, химию, а младшенький, Тема, – строительство.

Тогда, в тридцать первом, когда в вуз поступал Степа, и в тридцать третьем, когда подошла Темина очередь, трудно уже было молодому человеку прожить и в советскую идеологию не вляпаться. А тем паче позже, когда они учились, а давиловка со стороны партии и правящих классов только нарастала. Приходилось являться на митинги, куда ходили все, единогласно требовать казни, допустим, бухаринско-рыковским шпионам и изменникам Родины, троцкистскому подполью и прочим выродкам и прихвостням. Или слать трудовой привет стахановцам. Или, к примеру, поддерживать единогласно борьбу германских коммунистов против фашизма. Вот и Степа с Темой поддерживали кого нужно, приветы кому положено слали и даже, увы, требуемые казни одобряли. Словом, делали все, чтобы из общей массы советского студенчества не выделяться. Но, к примеру, в комсомол они не вступали – тем более перед войной быть комсомольцем еще считалось не обязательной, но привилегией, которую заслужить надобно. Работы общественной они также никакой не вели и без нужды на темы политики не высказывались. И в итоге, когда на митингах все голосовали против троцкизма или фашизма (или «за» Тельмана или Стаханова), руки свои вверх они послушно поднимали. Но наперебой их: «Дайте я скажу! Дайте я!» – не тянули.

В городе Красносаженске еще сохранялась прежняя профессура – более того, в тамошних институтах даже привечали высланных из Москвы и Ленинграда старых спецов. Уровень образования был высок, почти даже сопоставим с дореволюционным. А Тема со Степой в своих вузах блистали. Сыграли роль домашнее воспитание, громадная библиотека – да и предки, как бы ни отрицал марксизм влияние фактора наследственности. Все ж таки, что ни говорите, имело значение, что четыре поколения их пращуров физического труда не знали и снискивали себе хлеб насущный как врачи, учителя, профессиональные военные, в крайнем случае приказчики.

Степа, старший, стал любимым учеником профессора Малина – тот, как ни больно ему было расставаться с воспитанником, порекомендовал юношу в Ленинград, в аспирантуру главной химической лаборатории.

В тридцать шестом году молодой человек прибыл в город на Неве и впервые вплотную столкнулся с тяготами социалистического быта: «хвостами» за продуктами, утренними очередями в ванную комнату, давкой в трамваях. Но пока он занимался своей любимой химией и черпал в ней вдохновение, старался не замечать неудобств и бремени быта. Что у нас сегодня на ужин? То же, что и на обед? Картошка, жаренная без масла на раскаленной сковородке? Ну и что, лишь бы брюхо набить, как говорят пролетарии, и скорей в лабораторию, к своим ретортам и реактивам!

А младшенький, Тема, вообще учудил: после окончания строительного вуза попросил распределения на Колыму! И мама, и отчим не раз приступали к нему с вопросами: зачем ему Север? Дальние края? Плохо, что ли, ему живется в родном Красносаженске? Если тесно стало с мамой и отчимом, охотно допускаем, юноше нужна самостоятельность – почему бы не отправиться к старшему брату в Ленинград? Ведь ты, Тема, отличник, первый на курсе, сам можешь выбрать распределение! Может быть, дело в деньгах? Мы понимаем: северная надбавка, двойной оклад и прочие привилегии. Но мы ведь и так тебе, Тема, ни в чем не отказываем. Да и на что можно потратить деньги в советской стране? В ресторанах разве что прогулять.

Тема даже самым близким объяснить не мог, что, как он ни чурался, его все же накрыла волна советского энтузиазма: полярники, рекорды, стахановцы, «Челюскин», Северный морской путь и прочая. Он стремился проверить себя на излом, на сгиб и кручение – и не знал, что жизнь и без того приготовила ему впереди достаточное испытание, необязательно было специально стремиться. И Тема уехал в Магадан – с одной сменой белья, справочником по сопромату и логарифмической линейкой. А спустя три года вернулся: повзрослевший, заго-

ревший, заматеревший, задубелый. И первым делом, не навестив даже родного Красносаженска, отправился в Ленинград к брату.

И вот здесь, над полной и быстрой Невой, на мосту Лейтенанта Шмидта, встречаем мы в июне тысяча девятьсот сорокового года обоих братьев – Степана и Артема Нетребиных.

А еще вместе с ними третий – закадычный друг Степана, ставшего почти ленинградцем, – Александр (или как его называют коротко Шура) Заварзин. Шура учился в одной школе с братьями в Красносаженске, потом поступил в Ленинградский университет (он рабочая косточка, барьеров ему не чинили), а когда окончил, сизнова встретился в бывшем граде Петра со Степой. Дружба у них сплелась по новой, да так, что стали они неразлейвода. Хоть Заварзин и инженером был, машиностроителем, Нетребин его в свою лабораторию перетащил: им ведь тоже экспериментальные установки надо делать, центрифуги и прочие устройства мастерить.

Артем сейчас даже взревновал немного, видя, что его место, младшего брата, во время его отлучки на Колыму не пустовало – его благополучно занял Заварзин. И они со Степой весело между собой переглядываются и улыбаются каким-то понятным только им шуткам. Заварзин явно ведомый в их дуэте – значит, теперь эта роль занята? Стало быть, у них теперь образовалось трио, и Артему предстоит в нем исполнить какую-то новую партитуру? Может быть, судьба теперь предназначает Теме место вожака? Вон, он и внешне, и физически выглядит куда как мощнее и старшего брата, и Шуры Заварзина. Ленинградцы, правда, как это принято среди современной советской молодежи, уделяют внимание физической подготовке, но мускулы, крепость (и, кажется, воля) у младшего брата, приехавшего с Колымы, все же сильнее будут.

– Ну, не грусти! – шлепает брата между лопаток Степан. Он по своему истолковал задумчивость Темы. – И ты войдешь в курс городской жизни. Не все же тебе медведем в тундре жить. Надо, брат, и расти культурно, развиваться. Посещать театры, музеи, кинематограф...

– ...водные станции, – с иронической ухмылкой добавляет Заварзин, и оба горожанина покатываются от хохота. Видимо, с упомянутым объектом культуры у Степы с Шурой связана какая-то юмористическая история.

– Да, братишка, на водной станции мы тут в прошлую семидневку наблюдали настоящий цирк. Пошли туда вместе вот с Александром и Валерием. Ты его не знаешь, мы вас познакомим, в сущности, он хороший парень, работает в нашей лаборатории, только болтливый сверх меры и чуточку хвастун. Так вот, пока ехали туда, на трамвае, да с пересадкой, Валера, не переставая, хвастался, каких он успехов достиг в нырянии в воду и какие умеет замечательные пируэты выписывать. А как приехали да поднялись на вышку – что-то, смотрю я, Валерик наш побледнел, к краю не подходит, а, наоборот, бочком-бочком отступает от ужасной бездны. Тут Саня изобразил, что сейчас в воду его столкнет – так Валерочка бедный на глазах у всего честного народа – сбежал! И потом выписывал свои пируэты – да только внизу, прыгая с бортика. Скорее уж даже в воде стоя их показывал, не в воздухе!

Стоял прекрасный июньский день – да такой, что за него можно простить Петербургу все его темные декабрьские переулки с влажным ледяным ветродуем. Солнце искрилось на золоте Исакия, отзывалось на шпиле Адмиралтейства и Петропавловки. Невская вода хоть и оставалась, в сущности, темной, смурной – а все ж таки даже она не могла сдержаться, выигрывала волной, посверкивала зайчиками. А главная радость заключалась в том, что парни знали, что светило будет сиять и час спустя, и пять. И даже вечер наступит – десять, одиннадцать часов, а оно все будет золотиться, и лишь ненадолго скроется – а спустя пару часов опять взойдет. Так и жизнь в двадцать пять лет кажется впереди сияющей и почти что бесконечной.

– А у меня, брат, еще новость, – продолжил, обращаясь к Артемию, Степан. – Да такая, что ты закачаешься. Я не стал уж тебе писать, знал, что ты скоро со своей Колымы приедешь. Я ведь, братик мой, женюсь. Все решено и подписано.

– Вот так штука! – воскликнул Артем. – На ком же? Кто она, та счастливица, что захотела моего братика?

– Прекрасная дивчина, – важно кивнул Заварзин. – Зовут Елена. Елена Прекрасная по фамилии Косинова.

– Ты же знаешь, Тема, я словесную эквилибристику выписывать не умею, скажу тебе кратко, с прямою римлянина: мы с ней работаем в одной лаборатории. Она пока что лаборант, однако учится на вечернем и скоро оканчивает. Лет ей двадцать один. Что еще? Сообразительна. Хорошие внешние данные. Готовит прекрасный борщ.

– Пальчики оближешь, – со знанием дела подтвердил Шура.

– Я вас скоро познакомлю. Да что там – скоро! Сегодня вечером она в своем институте – а завтра я тебя ей представлю. Только имей в виду, она боится тебя ужасно, как будто ты не младший мой братишка, а богатый дядюшка и можешь нас, если она тебе не понравится, лишиться наследства.

Заварзин прыснул.

– Нет, серьезно, – продолжил Степа, адресуясь к Артему, – она тебя заочно ужасно уважает. Видимо, ты ей представляешься героем Джека Лондона. Что-то такое байроническое. Идум высокое стремление. В общем, ты со своим колымским приключением заочно влюбил в себя всех девушек Ленинграда. Во всяком случае, Еленины подруги о тебе наслышаны...

– ...И горят нетерпением познакомиться, – с серьезной миной заключил Заварзин.

– Что ж! – залихватски воскликнул Артем. – Во всяком случае, повестка дня на завтра решена: знакомство с Еленой и другими нежными девами. А пока, товарищи, я приглашаю вас в ресторан. Денег, как вы сами понимаете, я заработал много, теперь мы можем ходить в рестораны хоть каждый день. Какой тут у вас, в Ленинграде, лучший?

Заварзин и Степан переглянулись.

По-своему истолковывая их нерешительность как скромность, Тема заключил:

– «Метрополь»? Или, говорят, «Астория»? Значит, вперед, в «Асторию»!

В тот день настроение всех троих последовательно прошло ступени, какие проходят друзья-мужчины, повстречавшись после долгой разлуки. Сперва – восторг, потом – предвкушение шутки, подначки, розыгрыши, забавные истории. Затем – пересуды о женщинах. И, наконец, толковище о серьезном. Они были далеко не столь наивны, чтобы вести беседы о политике прямо за столиком «Астории» (куда они, разумеется, отправились). Они даже в коммуналке на *Ваське* (то есть Васильевском острове), где проживал Степан и где временно поселился Артем, не позволили бы себе ничего лишнего. Мало ли! Есть соседи, да ведь и стены, говорят, имеют уши. А вот куда шли в белесой питерской мерещи, торопясь из ресторана на своего *Ваську* до разведения мостов – на улицах никого, почему бы не поговорить откровенно. Тема со Степой братья – а Заварзин? Что – Заварзин! Он – друг, с ним Степа здесь, в Питере, столько пудов соли съел, он ему доверяет даже больше, чем брату.

– Товарищи, – спросил Тема, – а вы не знаете, куда делась Наталья Кузьмина? Та самая, моя однокурсница из Красносаженска? Мы с нею так мило переписывались, даже график завели: раз в неделю каждый пишет письмо. И вдруг: ни приветов ни ответов. Я ей три письма направил. Думал, может, я обидел чем? Пошутил неудачно? Тишина!

Степан и Заварзин разом посмурнели, стали прятать глаза.

– Что, что с ней случилось, говорите?!

– Тема, ее взяли.

– Что?!

– Да, всю их семью, вместе с родителями. Наша мама два месяца назад приезжала в Ленинград на слет и рассказала. Да, забрали всех: и отца, и мать, и Наташу, и даже их домработницу.

– Кошмар! – проговорил Артем. – Какой ужас! И их – тоже! Да разве вы не видите, товарищи! Наташка Кузьмина – она, что ли, заговорщик? Троцкистка? Шпион?!

Друзья не откликнулись, и какое-то время все трое шли молча.

– Нет! – продолжил Тема. – Мы не можем просто так сидеть и ждать.

– А что ты предлагаешь? – спросил Степан. – Драться с ними? Бороться?

– Боюсь, не получится, – покачал головой Тема. – Силы у нас не те. Но и отсидеться сложа руки тоже не получится.

– Почему?

– Потому что каждый день – аресты. И берут – лучших. Вы не замечали? Вы разве не видите? Нами правят натуральные бандиты. Уголовники. Они захватили власть в стране и теперь измываются над Россией и над всеми нами как хотят.

– Круто берешь. – Степа аж крикнул. – Не боишься?

Он подобные разговоры за всю свою жизнь только однажды слышал – от мамы с отчимом, и то тайком, когда они шептались, думая, что Степа спит.

– А чего мне бояться, братик? – отвечал Артем. – Дальше Колымы все равно ведь не сошлют.

– Ссылка, к сожалению, – с грустной полуулыбкой молвил Заварзин, – еще не самая строгая мера наказания.

Степа задумчиво покивал на ходу.

– Знаете, какие там, на Колыме, люди? Просто прекрасные. Лучшие. С кем, вы думаете, я там работал? Кто у нас на Северах дороги-то строит? Таких, как я, вольняшек, всего двое и было. А остальные – расконвоированные. Самые умные. Самые чистые. Образованные. Тонкие. Кстати, расконвоируют – это привилегия, ее дают только потому, что все равно никуда не убежишь. А сколько тех, кто за колючкой сидит! Сколько еще не доехало до Колымы! Сколько в других местах. Чертовых дыр в Советском Союзе много. А сколько умерло. В тюрьмах, лагерях. Сколько народу расстреляли. Знаете, друзья, я думаю, они обезумели...

– Кто? – переспросил, не поняв, Степан.

– Наши правители. Там, наверху. В Кремле.

– Да, мою лабораторию пока бог миловал, – задумчиво проговорил Степа, – а у соседей, в одиннадцатой, взяли всех: завлаба, обоих заместителей, трех научных сотрудников. Троцкисты, говорят, они и шпионы. Всем дали десять лет без права переписки.

– А «десять лет без права переписки» – это что значит? – подхватил Тема. – Это значит «расстрел». Уж меня там просветили, я никаких иллюзий на сей счет не питаю. Что ж мы все так и будем – сидеть и покорно ждать, пока за нами придут?

– Ну, без вины-то, наверное, не сажают, – осторожно заметил Саня.

– Еще как сажают! – воскликнул Артем. – Именно что без вины. С такими смехотворными обвинениями берут. Мне многие рассказывали, кому посчастливилось, кто после следствия выжил: мы, дескать, специально в самых невероятных вещах признавались – например в шпионаже в пользу Трои, – чтобы хоть наверху разглядели, что «энкавэдэшники» глупость с нами творят. Может, думали, поправят ретивых исполнителей? Назад отыграют? Нет, никто никого не поправляет. Признался в шпионаже в пользу Трои – хорошо. Готовил покушение на писателя Горького с помощью дирижабля – тоже сойдет. Такое ощущение, что нас, русских, кто-то специально старается уморить, выбить. Как будто фашисты у нас на самой верхушке засели и режут по живому!

– Я понимаю твой пафос, – проговорил Нетребин-старший, – только ты же сам сказал: драться, бороться с ними бесполезно. Что мы-то можем сделать?

Младший Нетребин помолчал минуту. Они по диагонали пересекали Дворцовую площадь, торопясь к Дворцовому мосту. Площадь, с Александрийским столпом посередине, была

пуста в полусумерках летней ночи, только маячил возле стены Адмиралтейства постовой в белой гимнастерке. Мимо пронеслась черная «эмка».

– Здесь мы ничего не сделаем, – весомо проговорил Артем. – Нам надо бежать.

– Как бежать? Куда? – переспросил Степан.

– Через границу. Из страны. Так поступить многие хотят. Кое-кто рискует, пытается. Кое у кого получается. Вот и мы рискнем.

– А что мы делать будем *там*? – тихо спросил Заварзин.

– То же, что и здесь, – убежденно молвил Тема. – Строить дороги и мосты, работать в лаборатории. И ждать, пока наша любимая Родина станет свободной. А может, даже сумеем как-то оттуда приблизить этот день.

– Как ты себе представляешь наш побег? – осведомился старший брат. – Ты же знаешь, у нас, в Советском Союзе, граница на замке.

– Я все уже продумал. Вы приедете ко мне на Колыму. Там, правда, погранзона, туда пускают только прописанных или командированных – но я все предусмотрел. Я сделаю вам всем, и твоей Лене тоже, вызов. Как будто вы на работу у нас собираетесь устраиваться. Там людей не хватает. Каждая пара нормальных вольных рабочих рук наперечет. Вы приедете ко мне – как раз в конце лета, погода еще стоит хорошая, но бывают уже туманы, особенно по утрам. Мы с вами угоним лодку – я присмотрел откуда. Получится с мотором – отлично. А если нет – пойдем и на веслах. Один-то я не смог бы. Но нам вдвоем – запросто. Что стоит шестьдесят километров на веслах – молодым, крепким мужикам!..

– Шестьдесят километров – куда? – тихо переспросил Степан.

– В Америку, Степа, в Америку!

– Ох, Тема, какой же ты еще глупый! Это когда тебе восемь или десять лет, можно, Майн Рида и Фенимора Купера начитавшись, в Америку собираться, в индейцев играть. А сейчас – мы уже взрослые. И если поймают, не отчим ремня всыплет. Пропишут так, что не обрадуешься.

– Строго говоря, Степан прав, – рассудительно молвил Заварзин.

Они успели до развода Дворцового и перешли по мосту над стальной Невой и теперь уже подходили к Стрелке.

– Путешествие будет весьма опасным. Риск огромен, а преимущества, в случае успеха, не очевидны, – продолжил Заварзин.

– К тому же, – тихо добавил Степа, – то, что мы совершим, будет сильно смахивать на предательство.

– Предательство?! – громовым басом переспросил Артем. – Предательство кого? Этого сухорукого гномика, который в Кремле сидит? Его своры вождей? Это они – нас предали! Нас – всю Россию! Они – нас: мнут, бьют, распинают! Предатели – они! Э, да что с вами говорить!

Тема с досадливым отчаянием махнул рукой и прибавил шаг.

Заварзин со Степой переглянулись, и тот взялся догонять брата. Настиг, ласково положил руку на плечо. Тема повернулся к нему. В его глазах блеснули слезы. Старший брат что-то зашептал младшему, что-то успокаивающее – а что, Заварзин издали не услышал.

Их, всех троих, арестовали через десять дней – Тема уже познакомился и даже подружился с будущей женой брата Еленой, однако Степан к тому моменту еще не успел жениться. А еще у Артемия успел начаться собственный роман – с ленинградкой Анастасией, одной из подружек Лены. Они ходили в кино, в цирк и даже два раза целовались. Один раз в ее подъезде, второй – на лавочке на Марсовом поле. Целовались – но не больше. В сороковом году советские девушки были очень строгих нравов.

Братьев арестовали как раз в тот день, когда Артем собирался впервые прибыть в дом Насти, познакомиться с родителями. У него имелись самые серьезные намерения.

От своих колымских друзей Артем знал, как оно все бывает. Все рассказывали ему, что, если вдруг арестуют, не надо играть со следователями в красного партизана, надо со всем соглашаться и подписываться под всем, что тебе инкриминируют. Даже если тебе приписывают самую подлую глупость или глупую подлость. Все равно ведь все подпишешь, что они скажут, советовали ему – но сначала тебя избьют, измучают.

А еще следователь, фамилия его была Ворожейкин, сказал: «Если ты, Артемий, разоружишься перед следствием и откровенно расскажешь о вашем плане побега, я твоего брата Степана и других причастных брать не буду».

И Тема легко, будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, постороннем, согласился с тем, что он является лидером контрреволюционной ячейки, которая работает в тесной связи с белофиннами и британской разведкой. Подписался, что занимался оголтелой антисоветской пропагандой, распространяя клеветнические измышления о советском строе, о руководителях партии и государства, лично товарище Сталине. Занимался он вредительством в процессе своей так называемой деятельности на Колыме и через своего брата старался затормозить работу военно-химической лаборатории номер десять. Сознался Артемий Нетребин и в том, что они в своей контрреволюционной организации готовились к диверсиям и террору в отношении советских и партийных руководителей Москвы, Ленинграда, Магадана и Красносаженска. А после окончания преступной деятельности на территории СССР террористическая ячейка планировала захватить советский военный корабль и с боем прорываться за границу.

Нетребин дал показания на брата Степана, а также на четверых сотрудников десятой лаборатории ленинградского НИИ, в том числе Александра Заварзина. Тогда следователь попробовал расколоть его в отношении еще трех-четырех особ, на сей раз женского пола, в частности, сожительницы Нетребина-старшего, Елены Косиновой, и знакомой Нетребина-младшего – Анастасии Зиминной. Однако здесь словно коса на камень нашла. На девушек Артемий Нетребин давать показания категорически отказался: знать, мол, ничего про них не знаю и ничего не скажу и не подпишу.

А следователи и рукой махнули. Хватало им и без того материала. Ох, хватало! Очередной заговор получался обширный, плотный: тут и Ленинград, и Красносаженск, и Магадан. Да и общей численности осужденных по колыбели революции было достаточно. В плановые наметки, лично Сталиным спущенные, укладывались.

Будущие апологеты культа могли быть довольны. И впрямь, дыма без огня не бывает, и посадить ребят было за что. Бежать за границу собирались? Собирались. Лодку угнать хотели? Хотели. Клеветнические измышления на советских руководителей распространяли? Еще как! Значит, за дело взяли. Слышите – за дело. А что перегнули слегка палку, переборщили маленько – что подделаешь, лес рубят – щепки летят. Идет колоссальное строительство, и миндальничать, рассусоливать нашим славным органам было просто некогда.

В итоге двенадцатого октября тысяча девятьсот сорокового года Артемий Нетребин был осужден «тройкой» к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Однако мать и отчим Артема считали, что их младший сын получил десять лет без права переписки, как им и объявили о том в середине ноября сорокового. И лишь в пятьдесят шестом до уцелевших родных довели правду – однако половинчато и довольно трусливо: ваш сын скончался в местах заключения от сердечного заболевания в феврале сорок второго. Вроде бы в тюрьме, да сам умер, опять же годы такие, начало сорок второго, война, всем было тяжело, не только осужденным. И о подлинной его судьбе родственникам стало известно лишь в перестройку, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Хотя место, где он похоронен, так и осталось неизвестно.

Степана арестовали в один день с братом. Его об энкавэдэшных застенках предупредить было некому, поэтому он отказывался отвечать на вопросы, возмущался арестом, но был жестоко избит и брошен назад в камеру. А назавтра новый следователь решил дело просто:

продемонстрировал ему показания, которые ровненько, по линейке, написал его младший братец. Степан почерк брата прекрасно знал и после этого тоже разговорился.

Люди их допрашивали и судили некроважные, просто время было такое. В не самом удачном месте очутились «энкавэдэшники» в тридцатых, надо ведь и их понять. И даже отдать им должное. Имели они полные основания присудить «вышку» и тому же Степе. Однако повели, что может исправиться человек, перековаться, – и дали ему в итоге всего-то десять лет ИТЛ, то есть исправительно-трудовых лагерей.

Но фамильная нить Нетребиных на том не порвалась – хотя истончилась до последней степени, того и гляди, лопнет.

На следующий день после того как братьев *взяли*, мать и отчим в Красносаженске получили телеграмму: «*Артему и Степану пришлось срочно уехать*». В сороковом году в СССР уже хорошо знали, что скрывается за эвфемизмом: *пришлось срочно уехать*. Мать, хирург и диагност от бога, не стала тратить время на истерики и оплакивания – в ту же ночь выехала в Ленинград. И оказалась в объятиях безутешной Лены Косиновой, невесты Степана (которая и отправила ей телеграмму).

Вторая подруга, Настя, так и не успевшая сделаться даже невестой Темы, куда-то быстро слиняла. А Лена Косинова вместе с Марьей Викторовной, как и сотни, тысячи и десятки тысяч жен и матерей изменников Родины, пыталась добиться сначала свидания, потом передачи, а затем хотя бы каких-то известий о своих заключенных. Никакие красносаженские связи в городе на Неве не работали. Провинциальные гинекологические таланты тоже не котировались – своих хватало. Обычным порядком узнать ничего было невозможно.

В процессе стояний в околотюремных очередях и переговорах по поводу хлопот две женщины, юная и пожилая, полюбили друг друга. Они отдавали друг другу всю ту любовь, которую каждая из них испытывала к исчезнувшему Степану. Марья Викторовна к тому же всю жизнь мечтала о дочке. Столько родов приняла, столько появиться на свет поспособствовала, а вот самой себе девочку родить – не сложилось. А Лена Косинова рано потеряла мать, росла и зрела в мужском окружении, теперь вот и в лаборатории сугубо «мужинской» работала. И ей очень не хватало душевных разговоров, неспешного чаевничания, женских, больших и малых, секретиков.

Поэтому когда чуждые силы наконец довели до женщин вердикт: десять лет без права переписки Артему и десять лет лагерей Степану, те поплакали, конечно, но вздохнули с облегчением: хоть какая-то наступила ясность. Марья Викторовна засобиралась в дорогу, в родной Красносаженск. И вдруг они обе остро почувствовали, что им не хочется друг с дружкой расставаться. Мало того: они не стали эти свои чувства одна от второй таить. А уж когда Лена призналась, что ждет ребенка от Степана, Марья Викторовна предложила ей самым категорическим тоном переехать к ним в Красносаженск: «Я не позволю, чтобы ты моего будущего внука рожала неизвестно в каких условиях здесь, в вашем сыром Ленинграде!»

Да, система тогда была зверской, зато люди добрее. И Лена, со Степаном не только не венчанная (что в те годы совсем не было дивом), но даже и не расписанная, по любым документам была Нетребиным никто. Однако они перевезли ее в Красносаженск и поселили там, в квартире, в лучшей комнате – бывшей детской, и кормили, поили, одевали, и даже работу ей специально подыскивали по знакомству, под рукой: кастеляншей при роддоме.

В марте сорок первого Лена родила. Она – да и никто в мире! – еще не знал, что переездом несостоявшаяся свекровь спасла Косинову и будущего ребенка от грядущей блокады и, значит, практически от верного уничтожения. Правда, своим отъездом женщина приблизилась сама и приблизила своего младенца к фашистской оккупации, что, как известно, тоже не сахар.

Едва Елена вышла из роддома, она отправилась в загс. А там категорически заявила: хочу дать моему сыну фамилию отца. Какое-такое фамилие, поинтересовались в загсе. Запишите его как Юрия Степановича Нетребина. Делопроизводительница тут поперхнулась, убе-

жала. Все в городе знали про Нетребиных и все их жалели, хотя кое-кто втихую злорадствовал: наконец-то до бар-гинекологов добрались, обоих ихних пацанчиков посадили, а то живут в четырехкомнатной, надо бы уплотнить!

К Елене вышла сама директриса загса, закрыла дверь на ключ, поставила чаек. (Напомним: система тогда была жестче, зато люди друг с другом – милее.) Директриса стала молодую женщину уговаривать: зачем, милочка, это делать? Все равно Степану ничем не поможешь, а тебе мучиться! Зачем тебе связь с врагом народа! Никто ж за язык не тянет. Зарегистрируй ты младенца своего как Косинова! Ладно бы тебе одной страдать! Ведь рано или поздно мальчику достанется – будущему октябренку, пионеру, комсомольцу!.. Ведь будет числиться сыном врага народа, а это совсем не шутка. Но Елена уперлась: нет, мол, я решила, и даже сам товарищ Сталин говорил, что сын за отца не отвечает. А директриса: нет, сама, своей властью я зарегистрировать нового Нетребина не могу. Давай пригласим маму Степана, Марию Викторовну – ей доверяешь? Да, доверяю, сказала несостоявшаяся Нетребина. И я тоже, молвила хранительница рождений и смертей города Красносаженска. Давай, как она скажет, так и будет.

Вызвали Марию Викторовну Нетребину. Объяснили ситуацию. Та сразу ухватила суть и величественно распорядилась: как девочка желает – так пусть своего сына и называет. Фамилия и имя – всего лишь бумажка. Не понравится – потом переименуем в два счета.

Так и назван был мальчик, дед будущего предпринимателя, Юрием Степановичем Нетребиным.

Ему и впрямь впоследствии пришлось за свою фамилию пострадать. А под рукой уже не было ни бабушки, ни знакомой в загсе, и переменить ее ни у него, ни у матери уже не имелось возможностей.

Когда началась война, ни Марию Викторовну Нетребину, ни Павла Андреевича Ставского в армию вследствие преклонного возраста не призвали. Правда, никто не озаботился эвакуацией двух каких-то там врачей. Подумаешь, светила – в масштабе Красносаженска! Красная армия летом сорок первого бежала стремительно – бросали металлургические заводы и шедевры культуры, кто бы подумал о чете гинекологов и кастелянше роддома с младенцем в придачу!

Уже в сентябре в город вступили фашисты. Семья Нетребиных не занималась подпольной работой. Старшие, как прежде, тихо-мирно работали врачами. Однако погибнуть, все четверо или порознь, могли не раз: от бескормицы, бомбежек или шальной пули при облавах. Да и оправдаться перед наступающим СМЕРШем было бы им в итоге трудно: все ж таки трудились на немцев. Говорите, с гинекологическими проблемами приходили на прием наши, советские женщины? Все равно: раз ты не погиб героически, значит, пособничал врагу. Однако Марье Викторовне и Павлу Андреичу хоть повезло с тем, что их добрые имена остались незапятнанными.

Оба они принципиально не уходили в убежище при налетах и обстрелах. И однажды, уже на пороге освобождения, в сорок четвертом, поплатились: в их дом попал снаряд, оба были убиты, квартира полностью разрушена. Возвращение советских войск той весной трехлетний Юрочка Нетребин на маминых руках встретил без дома, без денег и документов.

Наши дни. Алексей Данилов

Наше телевидение наконец-то научилось грамотно извещать о новостях (впрочем, не обо всех и не всегда). Однако смерть бизнесмена – не митинг оппозиции, угрозу существующему строю сообщение не несет, поэтому в ближайшие пять минут я получил об обстоятельствах убийства Нетребина исчерпывающую информацию.

Корреспонденты довольно подробно ответили на самые главные касающиеся смерти вопросы:

Когда?

– Михаил Нетребин был убит вчера, предположительно около полуночи.

Где?

– Посреди ***ского бульвара, когда он возвращался пешком с работы – дом его находился в трех минутах ходьбы от места гибели.

Как?

– Его убили несколькими ударами ножа – криминалисты насчитали четыре в спину и два в грудь. Орудие преступления пока не нашли.

Что было дальше?

– Тело обнаружила вскоре его жена, Алина Григорьевна Нетребина, которая ждала мужа у себя в квартире, находящейся в доме на бульваре. Она заметила что-то или кого-то лежащего на земле и выскочила из подъезда. Вдова же вызвали медиков и полицию. Врачи констатировали смерть. Поиск по горячим следам результата не дал. Полицейская собака взяла было след, но вскоре потеряла его. Вероятно, преступник уселся в поджидавшую на бульваре машину. Возбуждено уголовное дело по статье сто пять – убийство.

Кроме того, особо интересующиеся могли почерпнуть из сюжета, что Михаил Нетребин являлся руководителем одной из самых крупных в столице ювелирных компаний, ей принадлежали пять магазинов в Москве и двенадцать – в других городах России. Известили короткой строкой также о том, что я и без того уже знал от Алины Григорьевны: что убитому тридцать четыре года, он женат, но бездетен.

Я воспринял смерть бизнесмена если не как личную утрату, то как гибель человека, хорошо знакомого.

Помнится, говаривал мне отец-покойник: «Не будь ты, Алеша, таким впечатлительным!» – но с натурой не поспоришь, ее не переделаешь.

Однако больше в новостях ничего о Нетребине не сообщалось, и постепенно заноза от утраты рассосалась бы – но на пятый день после убийства мне позвонила вдова, Алина Григорьевна. Первым впечатлением было, что она на грани истерики. Нет, она была уже ЗА этой гранью.

– Алексей Сергеич, помилуйте, я не знаю, почему звоню вам – но это ужасно! Мишу убили, но они... Они намекают, – да даже не намекают, в открытую говорят – что это я. Я не знаю, чем вы сможете помочь, но вы хоть производите впечатление порядочного человека. Поймите, мне некуда обратиться. Пожалуйста, Алексей Сергеич, приезжайте ко мне, пожалуйста!

Меня, конечно, умилила ее оговорка: «Вы *хоть производите впечатление* порядочного человека» – но она свидетельствовала о том, в сколь тяжелом моральном состоянии дама пребывает. И о том, что ей реально не к кому обратиться. Раз уж она звонит человеку, с которым почти незнакома, которого видела всего раз в жизни, – значит, действительно дело подошло к краю.

Я слабо себе представлял, чем могу Нетребиной помочь, разве что поддержать психологически, но поехал.

Квартира Нетребиных размещалась в угловом пентхаусе старого пятиэтажного дома на ***ском бульваре. Из окон, выходящих на две стороны света, открывался чудный вид на Старый и Новый Арбат, бульвар и храм Христа Спасителя. Квартира была четырехкомнатной и насчитывала метров сто пятьдесят. Я небольшой знаток цен на столичную недвижимость, однако даже у меня не возник бы вопрос, а стоит ли данное жилое помещение миллион долларов. Конечно, миллиона оно стоило, и даже много, много больше – а вот сколько конкретно, я не понимал, потому как не привык оперировать в своей повседневной жизни подобными суммами. Может, пять. А может, семь или десять – потому как и отделана квартира оказалась с той изысканной простотой, которая достигается только благодаря лучшим дизайнерам и самым современным и качественным материалам.

Когда я прибыл, Алина уже взяла себя в руки и даже постаралась к моему приезду привести себя в порядок. Однако выглядела она, разумеется, неважно. Штампом будет говорить, что за прошедшую неделю женщина постарела на столько-то лет. Хотя, конечно, сдала мадам Нетребина сильно. И если в прошлую нашу встречу выглядела молодой и даже юной, моложе меня, то теперь женщина смотрелась явно старше. Синие тени под глазами, растрепанные волосы, облупившийся маникюр. Сейчас она не плакала, но припухшие глаза и покрасневшие крылья носа свидетельствовали, что этому сырому занятию она предавалась совсем недавно и долго.

– Пойдемте, – первым делом сказала Алина.

– Куда?

И тогда она прошептала, только артикулируя слова, но почти беззвучно:

– Нам нельзя здесь говорить. – А вслух, преувеличенно громко, произнесла: – Мне надо кое-что вам показать.

Она закрыла квартиру. Вниз мы спустились на лифте красного дерева – новейшей и не очень удачной стилизации под старину, под великолепный серебряный век. Вышли из прохладного и полутемного беломраморного подъезда на яркий, летний и грохочущий бульвар. Страшно подумать, сколько риэлторы слупили с хозяев и за этот подъезд, и за лифт – не говоря уж о самих апартаментах.

– Пойдемте куда-нибудь, – сказала Алина. – Хотя бы в кафе. Там тяжело подслушать и записать, особенно если не знают заранее, где будет встреча. Мне Миша об этом рассказывал. Он знал – а откуда, мне неведомо. Он не говорил.

– За вами следят? – осведомился я.

– Я уже ничему не удивлюсь.

И мы пошли в буфет Дома журналистов. Туда меня как-то водила первая моя супруга Наташа Нарышкина, мечтавшая в пору нашего совместного проживания снискать лавры газетного волка. Это ей, замечу в скобках, удалось. В отличие от второй ее мечты: построить долгий и счастливый брак со мной. Брак у нас получился короткий и НЕсчастливый. И видит бог, скажу откровенно и самокритично, далеко не она одна была тому виной.

До Домжура надо было пройти минут пять по бульвару, а потом под землей пересечь Арбатскую площадь. Нетребина доверчиво оперлась о мою руку, однако молчала. О деле своем не заговаривала, но беседу о погоде и прочих пустяках заводить не считала нужным.

Буфет Домжура имел два неоспоримых преимущества: там было полутемно и шумно.

Сейчас они оба могли пригодиться.

Я заказал – по просьбе Алины – два чая. И – без просьбы – пирожное, которое пододвинул ей.

– Я не буду! – даже с каким-то ужасом воскликнула вдова.

– Вы когда последний раз ели? Утром, например, сегодня, что вы кушали?

Она добросовестно стала припоминать, а потом с удивлением сказала:

– Я не помню. Что кофе пила – помню, а вот ела ли при этом, не знаю. По-моему, сушки какие-то? И хлеб с вареньем? Или то вчера было? Не помню.

– Вот и поешьте сейчас. А то больно на вас смотреть. Кожа да кости.

– Похудела, да? – с надеждой спросила она.

– Да, но это впрок вам не пошло. Извините за откровенность.

А она механически отрезала кусочек чизкейка и стала жевать. А потом удивленно проговорила:

– Вкусно. – И добавила: – Я опять не знаю, с чего начать. Как в нашу первую встречу не знала, вы помните? Когда Миша был еще жив.

Она производила впечатление сомнамбулы. Но это все-таки было лучше, чем истерика со слезами.

«Что я здесь делаю? – спросил я сам себя. – Неужели у девушки нет друзей, подруг, чтобы выговориться? Почему я должен исполнять роль ее жилетки? Я ведь не стану ей выставлять счет за эту встречу. Не настолько же я циничен и меркантилен. А тогда какого черта?»

– Помните, напоследок вы мне тогда сказали: будьте осторожны с Павлом? – Она глянула на меня испытующе.

– Конечно, помню.

– Скажите, вы про него правда – увидели? Во мне? Или вы – знали? Вам кто-то сказал?

– Послушайте, давайте предположим, что я – шарлатан. Значит, я загодя подготовился к прошлой нашей встрече, правильно? Я и мои люди выследили вас специально. Я разведал, что у вас роман с неким Павлом, – разведал, чтоб только произвести на вас впечатление. И вот я его произвел. А теперь вы спрашиваете, как я узнал про него. Неужели, если я шарлатан, я сейчас вам вдруг открылся бы?

– Значит, не скажете, откуда знаете?

– А вы как думали?

– Понимаете, это все серьезно. Мишу ведь убили. – При слове «Миша» ее глаза немедленно наполнились слезами, будто это имя отомкнуло внутри нее соленый резервуар. – И, может быть, это из-за Павлика. Во всяком случае, *они* так думают. И меня подозревают. И разводят.

– А сейчас давайте по порядку. Они – это кто? Полиция?

– Не знаю. Нет, наверное. Скорее прокуратура. У нас ведь кто следствие сейчас ведет?

– По делам об убийстве – Следственный комитет.

– Значит, это они, – сосредоточенно кивнула она. – Хотят посадить меня. А может, просто пугают. Меня на деньги разводят.

У меня в голове закружилось: прокуратура, Павлик, полиция, на деньги разводят...

– Знаете что, – сказал я, – давайте более подробно. А то я ничего не понимаю.

– Так. – Она собралась с мыслями и отодвинула от себя недоеденное пирожное. – Павлик был моим парнем. Давно. Когда-то. Мы с ним встречались, когда в институте учились. Долго встречались. Несколько лет. Даже жили вместе. Как муж и жена. Но не расписывались. А потом... потом он обидел меня. Сильно. И мы разошлись. И я с тех пор не виделась с ним, не говорила, ничего. Он исчез из моей жизни, как испарился. Не стало его, и все, понимаете? И тут вдруг... Здрасте-пожалуйста, нарисовался. Звонит! Да такой настойчивый! «Алиночка, кисочка, – передразнила она, – давай встретимся, я соскучился, повидаемся». Ну, встретились...

Тут Алина сделала паузу, глаза ее застекленели, и она закусил губу. Она задумалась, как подступить к дальнейшему рассказу – да и надо ли вообще рассказывать? Засомневалась: не дурака ли она сваяла, начав откровенничать со мной?

Я не торопил Нетребину. Мне и так было ясно. Даже никакой «третий глаз» включать не понадобилось. По внешним, поведенческим реакциям, по интонации, манере речи, подбору

слов я понял, что произошло. Они с этим Павликом увиделись, нахлынуло старое чувство и оно привело их напрямик в койку.

Однако мне до сих пор было непонятно: что случилось потом? Может, шантаж? И связано ли происшедшее с убийством?

И я повторил то, что думал, вслух:

– Понятно, вы пали жертвой страсти. Он, этот Павлик, опять соблазнил вас, и вы не смогли устоять. Выпили, наверное, сильно, а он был очень настойчив, и вы уступили. Хотя сейчас и страшно жалеете об этом, и вам ужасно неудобно.

По ее лицу я видел, что попал в точку. Я продолжил:

– Это все я видел и в прошлую нашу встречу. Но вот что было потом?

– Ничего! – И снова глазки ее повлажнели. – Вы правы, я страшно жалела. Павел позвонил мне на следующий день, и я сказала ему, что все кончено, что ничего больше между нами не будет, чтоб он не звонил и оставил меня в покое. Он не послушался сначала, но я ему повторила все то же самое, в резкой форме. В общем, мы опять поругались. Как когда-то в юности. И он обиделся – или, может, сделал вид, что обиделся. Во всяком случае, у меня на горизонте больше появляться не стал. Исчез. Ну, исчез, и слава богу. Теперь уж, я надеялась, точно навсегда. Но потом... – Она прикусила губу. – Уже после того как... – Женщина всхлипнула. Достала платочек, высморкалась, вытерла глаза. – Извините. Мне сказали, что я... Короче, у мужа в рабочем кабинете, в компьютере, нашли фотографии, где я... где мы с Павлом...

– В постели, – подсказал я.

– Нет! Нет, не в постели, но... Фото достаточно интимные, чтобы Миша начал ревновать. А еще аудиозапись, – Нетребина покраснела, – где мы с Павликом разговариваем. Тоже очень интимно.

– Значит, эти фото и записи нашли в его компьютере? А муж покойный вам ничего об этих файлах не говорил?

– Нет!

– Но он их видел?

– Боюсь, что да.

– Вы думаете, это ваш муж за вами следил?

– Не знаю. Ничего не знаю. Вряд ли. Кто-то ему этот подарочек подбросил.

– А в компьютере у мужа эти файлы нашли вы сама?

– В том-то и дело, что нет! Когда началось следствие, они произвели обыск у Миши в рабочем кабинете – ну, и обнаружили их.

– Обнаружили – кто?

– Те, кто следствие ведет.

– А вы откуда знаете, что они нашли?

– Следователь и еще один ко мне домой приходили. Один – в форме, другой – в гражданском.

...Они пришли к ней домой, двое, белоглазые, рыбьеглазые, похожие один на другого. Вошли и сразу стали наезжать. Первый с ходу спросил:

– Где нож?

– К-какой нож? – оторопела она.

– Орудие убийства.

– К-какого убийства?

– Хочу вам напомнить, гражданка Нетребина, – начал тот, что был в гражданском, слегка глумливым тоном, – что муж ваш, Михал Юрьич Нетребин, убит был, зверски, шестью ударами ножа. В спину и в грудь. Скончался в результате обширной кровопотери и повреждений внутренних органов, несовместимых с жизнью.

– При чем же здесь я? – пролепетала она.

– А кто, если не ты? – поднажал второй, который был в форме. – Ты кому заказала убийство мужа? Кто был исполнителем? Любовник? Или ты кого-то наняла?

И так они угрожали ей и унижали – но культурненько – в том смысле, что без прямых угроз и даже без мата. Но были жестки и грозили, что ордер на ее арест – вопрос лишь времени. И говорили, что завтра же возьмут под стражу, отвезут в СИЗО, к уголовникам, а там знаешь, что с тобой будет. Или признавайся, вступал другой. Если признаешься и прямо сейчас напишешь явку с повинной, оставим на воле, под подпиской, потом дадут тебе срок условный, мол, убивала в аффекте. Начала, мол, с мужем прямо на прогулке, на бульваре, спорить, он оскорбил, побил, ты защищалась. А потом муж совсем с ума сошел, откуда-то нож достал, но тебе удалось им завладеть – как боролись, после, по ходу, детали проработаем. Допустим, он побежал, а ты, себя не помня, догнала и в спину четыре раза ударила, а потом, когда он упал, – в грудь. А спорить вы начали из-за любовника: у тебя ведь есть любовник, Нетребина, твоему мужу доброжелатель карточки прислал. И запись, как вы там с ним воркуете.

А когда она стала отказываться, ей продемонстрировали, прямо на «планшетнике» – у следователей и электронная «таблетка» с собой была, продвинутые ребята, – как Алина с проклятым Павликом в машине милуются.

Она перед прокурорскими повинилась, да, любовник у ней был, и что?! Убивать Мишу она даже не думала! И тогда вступил второй: а кому убийство Нетребина выгодно? Кто у него наследники? Нет никого, только ты одна. Ни отца, ни матери, ни детей, ни братьев-сестер. А наследовать есть чего. Одна квартира эта на Бульварном кольце не меньше пяти лимонов зелеными тянет. Плюс дача на Новой Риге – еще как минимум столько же, да домик в горах в Германии, да квартирка в Майами. И все ты сама, гражданка Нетребина, наследуешь, не считая фирмы мужниной, со всеми его магазинами и наличными товарами: золотишком да бриллиантами. Есть за что убивать!

А потом: у тебя, Нетребина, алиби есть? Нет. Никакого. Сидела дома в тот вечер, мужа с работы ждала.

А кто может подтвердить сей славный факт, что дома была? А никто не может.

Поэтому давай, гражданочка Нетребина, признавайся, ведь, если не будешь сотрудничать ты со следствием, если мы сами твою вину докажем да еще полюбовника твоего Павла Кораблева притянем, совсем другая статья тебе выйдет. Не легкая сто седьмая – убийство в состоянии аффекта, или даже, может, сто восьмая – превышение необходимой обороны, – а тяжелейшая сто пятая часть «дэ»: убийство с особой жестокостью, до двадцати лет лишения свободы.

Но она все равно ни в чем не призналась. Потому что не в чем признаваться. Они велели Алине крепко подумать и ушли. А она позвонила Семенычу и попросила совета.

Валерий Семенович со смешной фамилией Тонконог человеком был тем не менее весьма уважаемым. Официально являлся он в фирме мужа его заместителем по общим вопросам. А если НЕофициально, а по сути – был в компании Нетребина гуру и консильери, консультантом по самым запутанным и странным вопросам и специалистом по решению всяческих проблем: с налоговой и санэпидстанцией, с пожарными и таможней. Везде он имел связи, ко всем имел подход, любые непонятки урегулировал. Семеныч устраивал дела, порой используя нечеловеческое обаяние, подарки или посулы, но чаще, конечно, – деньги.

А еще через два дня товарищ Тонконог устроил вдове Нетребиной встречу с человеком из Генпрокуратуры, который, как он сказал, «в курсе ее дела».

Человек из прокуратуры посадил ее в свою «Ауди», и они немного поговорили – причем тот не представился, не назвался, держал себя очень вежливо, даже ласково, однако с таким видом, будто каждое его слово стоит как минимум сотню долларов. Он очень спокойно произнес, что с ситуацией ознакомился, что она и вправду серьезная – однако он берется подключиться и надавить кое на кого, чтобы дело урегулировать и спустить на тормозах. Только это будет денег стоить, сказал человек из «Ауди»: немного, всего единичку – то есть, Алина жар-

гончик продажных тварей знала, один миллион долларов наличными. Первый транш – триста грандов, то есть тысяч долларов – как можно скорее, прямо завтра. Второй, столько же, через три месяца, когда дело приостановят, а третий – еще через полгода. Или, если она хочет, можно ведь по ее делу и осудить другого. Какой-нибудь бомж или наркоша на себя убийство вашего мужа возьмет: признается, что это он Нетребина там, на бульваре, зарезал, и даже покажет, куда орудие убийства и мобильный телефон покойного выбросил. Так дело будет более верное, но только заплатить уже надо будет не «единичку», а «треху». То есть, как Алина Григорьевна поняла, три миллиона долларов наличными.

И вот теперь она сидела напротив меня за столиком в Домжуре и со слезами на глазах рассказывала мне обо всем, чувствуя себя раздавленной – нет, не только горем, а несправедливостью, которую цинично и с наглой улыбочкой чинила троица власть предержащих: те двое, что явились домой и угрожали, и тот благодетель, что требовал с невинного человека огромнейшую (в моем понимании) взятку.

А то, что женщина была невинна, я знал, я чувствовал, я понимал – но что же я мог поделать?

Не знаю, зачем я ей понадобился? Для чего меня Алина пригласила? Чтобы я подтвердил, что она не совершала преступления? Да, я мог это заявить где угодно, но что это ей давало?

– Я не знаю, зачем я вас позвала. – Похоже, Нетребина думала о том же, что и я. – И не понимаю, чем вы можете мне помочь. Разве что только поговорить. И совета попросить: неужели надо платить? Неужели на этих упырей никакой управы нет? Он ведь, тот человек из «Ауди», мне будто одолжение делал!

Что я мог ей сказать? Чем успокоить?

– А вы-то сама? – спросил я. – Вы что думаете делать?

– Не платить, – сказала она. Однако посмотрела на меня робко и испуганно. А потом спросила: – А может, у вас есть какие-то связи? Чтобы на того человека в «Ауди» управу найти? Допустим, в ФСБ?

Единственная моя связь в ФСБ была Варя, которая не откликалась даже на мой брошенный в ментальное пространство зов, но признаваться в том клиентке я не хотел и потому спросил:

– А на что вам ФСБ?

– Я бы тогда могла, допустим, этих типов подставить. Передать им чемодан денег, а они были бы меченые. И оперативники их бы взяли, этих нелюдей.

– По-моему, Алина, эта фантазия, – молвил я мягко.

– Видите, голова кругом! Я уже хватаюсь за соломинки. Что же мне делать?

– Знаете, есть хорошее правило: если ты не знаешь, что делать, – не делай ничего.

У меня, как я выяснил, с некоторых пор появилась способность: изрекать прописные истины с таким видом, что люди мне верили. То ли это было связано с ореолом экстрасенса, который распространялся вокруг меня, то ли за годы своей практики я сумел столь внушительную манеру выработать. Во всяком случае, Нетребина после моих слов слегка успокоилась, только молвила растерянno:

– Но время же идет... А с другой стороны, я ведь невинна. Может, часы и дни работают на меня? Приближается торжество истины? А может, – она снова встрепенулась, – за это дело возьметесь вы?

– Я? Каким образом?

– Вы же такой проникательный, – она глянула на меня с непоказным восхищением. – Вы только на человека посмотрите и сразу решите: он убил или не он.

– Ох, когда б все было так просто! – усмехнулся я.

Но мысль зафрахтовать меня на роль частного детектива пришла Нетребиной по сердцу. Она загорелась:

– А правда, давайте я найму вас. Вы место преступления осмотрите, на фотографии подозреваемых глянете – и дело в шляпе.

Конечно, чем бы дитя ни тешилось – все лучше, чем оплакивать своего супруга и грустить по собственной несчастной судьбе, пусть себе фантазирует! Но:

– Боюсь, вы не совсем правильно представляете мою работу. По фотографии или по предмету искать что-то или кого-то – гиблое дело. Шарлатан тот, кто вам скажет, что может подобное творить. Нужен только личный контакт.

– Хорошо, пусть так. Вы, Алексей, и войдете в контакт со всеми подозреваемыми.

– Я никогда в жизни не занимался никаким сыском.

– Все когда-то приходится делать в первый раз.

А девушка оказалась упорной. В том, похоже, была ее истинная суть – в умении добиваться того, что ей хочется, а не в том, чтобы предаваться унынию и лить слезы.

– Мне и без того хватает работы.

– Вы упорно отказываетесь. О'кей, попытаюсь вас переубедить. Вы слышали, какой взятки от меня требуют? Поэтому я предлагаю вам: прямо сейчас – аванс семьдесят тысяч долларов, не возвращаемый ни при каких условиях. Я бы заплатила и больше, но у меня именно столько есть на личных счетах, которые я смогу прямо сейчас безболезненно закрыть. И я заплачу вам столько в любом случае, при любом результате. А потом, когда вы найдете убийцу, докажете, что убил именно он, и предъявите его следственным органам (а я наконец спокойно вступлю в наследство) – я заплачу вам тот самый пресловутый миллион баксов. Ну, за вычетом аванса – девятьсот тридцать тысяч. Квартиру во Флориде продам – и заплачу.

– А если результаты моего расследования вас не удовлетворят?

– В смысле?

– Ну, например, я установлю, что убийца – ваш Павлик. Или, к примеру, вы сама – только были в трансе и не помните, что творили.

– Я не могла, это чушь, – отмахнулась женщина. – А если Павлик – почему бы нет? Он мне, этот Павел Картузов, давно уже совсем никто. – Правда, голос ее дрогнул.

Все-таки сумма в один миллион американских долларов обладает каким-то магическим воздействием на ум нашего современника. Но я все равно нашел в себе силы отклонить столь лестное и щедрое предложение Алины Григорьевны.

Однако вечером того же дня случилось еще одно событие, которое, по странному стечению обстоятельств, заставило меня задуматься над перспективами частного сыска.

Семья Нетребиных. 1944–1954

Степан Нетребин находился на грани жизни и смерти. Ему удивительным образом удалось выжить первые три лагерных зимы. Сыграли свою роль молодость, природная физическая крепость и воля к жизни. Но зимой сорок четвертого запасы, отпущенные матушкой-природой, истощились. Степа начал доходить. Если бы Нетребина, как и многих его товарищей, осмотрел в ту пору врач, он бы с ходу поставил диагноз: дистрофия, авитаминоз, цинга. Еще бы! При росте сто семьдесят шесть сантиметров вес Степана Нетребина составлял сорок семь килограммов. И уже впоследствии, сколь бы благополучной и сытой ни оказывалась его жизнь, он всегда отличался болезненной худобой: масса тела его не превышала пятидесяти двух кило.

А тогда, зимою сорок четвертого, наступил предел. И в тот момент, когда ему казалось: все, не могу больше, сейчас упаду и больше не встану – к делянке, где работали «заклученные каналармейцы», то есть «зэка», по зимнику подъехала ни много ни мало «эмка». Оттуда вылез офицер в тулупе с матюгальником в руках. Гаркнул, обращаясь к доходягам: «Лицам с высшим образованием – подойти ко мне!»

Степа подошел – точнее будет сказать, прибрел. Или приполз.

А уже через неделю ему стали давать на завтрак десять граммов масла и шесть кусков сахара. Спать он стал хоть и в общей казарме, рассчитанной на восемьдесят персон, зато не в бараке, а в теплом помещении да на простынях. А работал не на земляных или бетонных работах, а с книгами, бумагами да сидя за столом – что в течение еще нескольких лет казалось ему почти чудом.

В древнем городе Владиславле, в бывшем мужском монастыре, в условиях строжайшей секретности создавалась в тот момент под руководством полковника госбезопасности Орлова химическая шарашка. Или, как ее называли официально, особое техническое бюро (ОТБ) при НИИ № 33.

1949 год Берия Лаврентий Павлович, заместитель председателя Совета Министров СССР

Если бы Берия не умел разговаривать с вождем, он бы и близко не достиг высот, на которые забрался. А там прохладно было, на тех высотах. Одиноко, и кровь иногда леденела. Вот и сейчас – он привычно замер, словно наполовину примерзнув к полу.

– Слушай, Лаврентий, у тебя много ученых по спецлабораториям работают, да?

Берия не понимал и даже не догадывался, куда в очередной раз клонит великий вождь и учитель. Он привык идти по острию – так привыкают ходить под куполом без страховки, бросаться в затяжные прыжки, испытывать на себе смертельные препараты. Опаска, тревога, страх – эти чувства, которыми жила вся страна, сгущались и концентрировались, чем выше ты продвигался по лестнице власти, тем ближе оказывался к вождю. Адреналин стал постоянным блюдом в ежедневном меню высших сановников. Он тонизировал и придавал жизни особый, пряный вкус.

И бытие казалось гораздо более сладким, когда страх проходил, ужас отступал. Когда можно было какое-то время не бояться. Спокойно пить вино и мучить баб.

Лаврентий точно знал, как отвечать на каждую из интонаций вождя. Сейчас, своим обостренным чутьем он догадался: нельзя допустить ни малейшего панибратства. Лучшая реакция: туповатая исполнительность.

– Так точно, товарищ Сталин, ученых много!

– А успеваешь ли ты, Лаврентий, их контролировать?

Тихонечко подбирается тигр, в своих мягких сапожках, ходит неслышно по кабинету, трубочку мусолит. Даже участие в его словах слышится: ах, бедный Лаврентий, вах-вах, как ты много работаешь, за сколько ответственных участков тебе приходится отвечать! Справляешься? А может, нет? Тогда только скажи, мы тебя живо отдыхать отправим.

Не иначе, кто-то из подопечных отличился. Может, в атомном проекте авария – а я и не знаю? Может, кто у Келдыша взбрыкнул? Американские агенты Саров расшифровали? Гадать бесполезно, надо вести свою игру, и если вдруг он, Берия, в чем-то прокололся – каяться, в ногах валяться, умолять.

– Так точно, товарищ Сталин, все под контролем!

– У тебя ведь и химики работают – а, Лаврентий? И медики, да?

«Значит, не в атомном проекте дело. Ф-фух, отлегло немного. Хозяин многое простить может – лишь бы бомбы делалась, и атомная, и термоядерная, достойный ответ советского народа американскому империализму». Можно слегка расслабиться и ответить уже не столь по-солдафонски, а все-таки хоть отчасти, да вольно, напоминая хозяину, что он, Берия, все ж таки собеседник не рядовой – он ближайший соратник, тоже вождь, хотя и меньше калибром (пока).

– Все верно, товарищ Сталин, у меня в хозяйстве и медики имеются, и химики, и физики.

– А ты будешь знать, Лаврентий, если твои химики что-нибудь нахимичат? Если, допустим, новый яд изобретут?

«Опять ловушка. Рано расслабился. И ответить толком нельзя ни да ни нет. Сказать: да, буду знать?! А вдруг они изобрели, а я не знаю? Сказать: никак нет – опять виноват, не уследил».

– Молчишь, Лаврентий? А если они не яд, а, напротив, лекарство изобретут? Против старости, например? Будешь знать?

– Так точно, товарищ Сталин, знать буду.

– Да? А про это – знаешь?

Теперь оставалось только тупо молчать.

– А раз знаешь – тогда почему сам мне не докладываешь? Слушай, почему такие письма твои ученые-моченые товарищу Сталину пишут?

Вождь своей лапкой в коричневых пигментных пятнах сгреб со стола листки и швырнул прямо в лицо соратнику. Листы не долетели, Берия ловко поймал их. И еще в полете (как показалось ему) стал пробегать письмо глазами, выхватывая самое основное: имена, названия, фамилии. О чем речь – и чем грозит, лично ему.

Председателю Совета Министров Союза ССР

Генералиссимусу Советской армии

Вождю народов СССР

Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу

Дорогой товарищ Сталин!

Позвольте Вам, нашему старшему другу и великому учителю, вручить от коллектива специальной лаборатории подарок, что сделали мы для Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, своими руками. Это самое дорогое, что есть у нас, – наш овеществленный труд, дерзновенный научный порыв и творческое вдохновение. Докладываем Вам, великий вождь и учитель, что мы успешно выполнили Ваше задание. Коллектив лаборатории, вдохновленный Вашими трудами и Вашим именем, в кратчайшие сроки создал вещество с заданными свойствами и провел его клинические испытания, завершившиеся полным успехом. Рапортуя Вам, наш дорогой вождь и учитель, о создании нового препарата, просим Вас, дорогой товарищ Сталин, в ознаменование Вашего дня рождения и как знак того, что любые победы советского народа неразрывно и навсегда связаны с Вашим именем, разрешить:

– назвать новое, синтезированное вещество в Вашу честь. Предлагаем именовать новый препарат ИСТАЛом, что означает И. – Иосиф, Стал. – Сталин...»

Но главное, главное-то Берия углядел. Письмо подписано Орловым – идиотом, ублюдком, начальником одной из шарашек. Она, та шарага, в городке Владиславле находится и официально называется особое техническое бюро при тридцать третьем НИИ Министерства госбезопасности.

Боже, отлегло! Как же хорошо на душе стало! Он, Берия, и не виноват ни в чем! Формально он даже за ту «шарагу» не отвечает, к атомному проекту она отношения практически не имеет, а он теперь зампредсовмина, а не комиссар госбезопасности. Просто дурак этот Орлов, не быть ему больше полковником! Сунулся поперед батьки в пекло. Бухнул в колокол, не заглянувши в святцы, решил отпрапортовать раньше времени – быстрее, на самый верх, в обход непосредственного начальства – прямо вождю! За это я с них, конечно, стружку со всех сниму – а начальник особого отдела под трибунал пойдет – но все равно речь-то о победе, о достижении, о том, чем он, лично Берия, может гордиться. О чем просто до поры до времени не докладывал, приберегал, хотел поднести поэффектней. И вот – дождался. опередили! Лизоблюды, дармоеды! Всех в бараний рог!

– Товарищ Сталин, я полностью в курсе событий.

– Да, Лаврентий? – переспросил вождь издевательски. – В курсе ты? Тогда скажи, почему не ты у меня за своих ученых просишь? Не ты препарат-шмапарат моим именем назвать предлагаешь? Почему твои химики нахимичили что-то – а я не от тебя узнаю? Что они там именем Сталина назвать хотят? Может, слабительное? От геморроя лекарство? Клистир в жопу вставлять?

– Никак нет. Товарищ Сталин, речь идет о новом, синтезированном в нашей специальной лаборатории во Владиславле препарате. Впервые в мире мы получили лекарство против усталости. Несколько граммов или миллиграммов этого вещества дают необыкновенный эффект – человека прямо настоящим героем делают. Он может не спать трое суток, работать трое суток без остановки, выполнять любые задания партии и правительства. Причем производительность

труда тоже повышается в несколько раз. Неважно, какой работой занят товарищ. Шахтер угля больше дает, физик формулы лучше пишет, музыкант оратории сочиняет.

– Вот как, Лаврентий? Да такие ведь вещества у Гитлера были! И американцы их использовали. Как назывались у них, помнишь? Витамины-шметамины?

«Все помнит, ничего не забывает хозяин, хоть и пьет много, хоть и возраст – все время с ним приходится ухо остро держать, никогда нельзя расслабляться».

– Товарищ Сталин, фашисты использовали для своих летчиков и разведчиков так называемые амфетамины – специальные синтезированные наркотики. Они действительно оказывали положительное воздействие на тех, кто их потреблял, только у них сильные побочные отрицательные эффекты были. Один раз их примет человек, другой раз – а на третий уже без этого препарата жить не может. А когда снова его наглотается – начинает с ума сходить. А наш советский препарат – он, как химики из спецлаборатории уверяют, без вредных последствий.

Берия чуть помедлил, думая, стоит ли сразу выкладывать карты на стол, рассказывать о другом эффекте, что приносит препарат, или приберечь. Но потом все-таки принял решение: раз уж его опередили, придется засвечивать все до доньшка – а то ведь хозяин может выдернуть непосредственно начальника лаборатории Орлова или начальника НИИ Кривцова да и выпытать все у них.

– А самое главное, – продолжил всесильный зампредсовмина, – это вещество особенные способности человека обостряет.

– Что за особенные?

– Человек как бы видеть насквозь начинает. Мысли угадывать. Сквозь стену замечать, что другие делают. Карты определяет, в сейф спрятанные.

– Вот как? – неожиданно неприятно ухмыльнулся Сталин. Посмотрел, не мигая, своими желтыми глазами тигра-людоеда, параноидального старца. – Значит, ты поэтому про вещество не докладывал? Узнать сперва хотел, что у товарища Сталина на уме? Мысли мои прочитать задумал?

«И непонятно: то ли впрямь подозревает он меня? Или, может, проверяет? С ним никогда нельзя быть ни в чем уверенным!»

Берия сказал отчасти обидчиво:

– Никогда даже не думал в подобном направлении.

Вроде попал в точку. Хозяин, видимо, не гневается. Отлегло.

– Тогда почему не докладывал раньше?

– Средство пока как следует не испытано, товарищ Сталин, не доработано.

– Что ж они там у тебя недоработанное вещество назвать моим именем хотят? А потом вдруг выяснится, что оно человека убивает? Что люди говорить будут? Твой «истал» убил человека, да? Станут говорить: он «сталина» наглотался и умер, да? Нет, Лаврентий, скажи товарищам: имя товарища Сталина никакому лекарству давать не надо. Это личная нескромность – именем товарища Сталина лекарство называть. Если хочешь – своим можешь называть, Лаврентий. «Берий» – хорошее название для препарата, да?

– Что вы, товарищ Сталин, я человек маленький, – пробормотал всесильный зампредсовмина.

Не хватало ему личную нескромность перед лицом вождя проявить. Один раз согласишься, чтоб тебя возвеличили – хозяин потом век тебе поминать будет. У нас в стране только одного товарища Сталина можно славословить, это Лаврентий Павлович зарубил себе на носу давным-давно – потому и прожил до самой смерти хозяина и даже немного дольше.

Семья Нетребиных. Степан

Для простых заключенных в «шарашке» высота, на которой решались их жизни, была непредставимой. Они даже вообразить не могли, что вожди могут обсуждать их личную судьбу или хотя бы плоды их труда. Маленький мирок, в котором Степан Нетребин жил и трудился вот уже пять лет, был почти герметично замкнут. В сущности, он не слишком отличался от его ленинградской лаборатории. Организация дела оказывалась еще и лучше. Все необходимые материалы и реактивы доставлялись беспрекословно, даже с лихвой. И научные журналы – причем заграничные: французские, американские и британские. Можно было не терять времени на дорогу на работу и с работы. Лаборатория размещалась здесь же, в монастыре, семьдесят пять шагов пешком. Можно было задерживаться в лаборатории аж до самого отбоя – а можно обсуждать результаты с соседями по столам (и нарам) хоть до утреннего подъема. И не приходилось думать о хлебе насущном: три раза в день наложат в миску щей да каши – хоть невкусно, зато много, с горкой. И конечно, не сравнить с лагерной баландой.

Словом, ничто не мешало привилегированным заключенным утолять жажду познания за государственный счет, кабы не два обстоятельства. Первое – они все ж таки были рабами. И второе – явилась мысль о том, что все, чего достигла или достигнет лаборатория, будет поставлено на службу тому самому строю и тем самым людям, которые исковеркали их судьбы и судьбы их близких.

А коллектив в лаборатории сложился потрясающий. Прав был братишка Тема: столько умных, чистых, светлых людей Степан в подобной концентрации на воле не встречал. Чего стоил, к примеру, старик Каревский! Стариком в полном смысле он на самом деле не был, к сорок девятому году ему исполнилось пятьдесят четыре. Однако имел Павел Аристархович Каревский окладистую и седую, как у библейского патриарха, бороду и обладал столь обширными познаниями в самых разных отраслях, от астрономии до лингвистики, что на равных мог обсуждать и спорить по любой проблеме с узким специалистом. Еще в двадцать первом году, будучи в возрасте двадцати шести лет, он защитил в Московском университете докторскую диссертацию в области науки, которую сам и создал.

Каревский утверждал, что все происходящие на свете процессы, от урожайности ржи до заболеваемости оспой, от военных действий до несчастных случаев на производстве, носят циклический характер. Циклы бывают самые разные по длительности: многолетние, годовые, месячные (самый известный из них – тот, что существует у женщин в детородном периоде), суточные. Кто-то из людей является по складу своему жаворонком, с удовольствием встает с утра, бодр, весел и работоспособен в первой половине дня. А другой поутру хмур и нелюдим и работать по-настоящему начинает только после двух-трех часов дня, но засидеться за делом готов до двух-трех ночи, как Сталин. А еще Каревский носился с мыслью о том, что Солнце и пятна на нем неведомым (пока) образом определяют жизнь – как единичного человека, так и нации, империи и всего человечества. Правы, доказывал он, мыслители древности со своими гороскопами – особенно китайцы с их классификацией годов. Они знали (как и Павел Аристархович ведает теперь), что имеется некое циклическое воздействие со стороны внешнего мира (или безграничного космоса) на человека. Но вот что конкретно его оказывает, они не понимали. (Как не ведаем, увы, и мы!) Древние астрологи считали: влияют на нас Солнце и звезды. Но их действие – всего лишь некая модель, что просто отражает, утверждал Каревский, воздействие иных сил, покуда неизученных. Может быть, квантов. А может, и других частиц, еще неизвестных. Или иного, неоткрытого, четвертого измерения.

Павел Аристархович для каждого препарата, создаваемого в лаборатории, составлял подробнейшие схемы, как его использовать, по часам и дням недели. Для одной микстуры чайная ложка с утра равнялась по эффективности ложке столовой после ужина. Один препарат

одному испытуемому следовало принимать по воскресеньям, а кому-то – по средам. В зависимости от жизненного цикла первому он предписывал десять микрограммов нового вещества, а второму – пятьдесят.

Сам Каревский был настолько убежден в собственной правоте и столь многоумен и красноречив, что своими идеями заразил всех коллег, особенно близких друзей (включая Степана Нетребина) и даже надсмотрщиков и соглядатаев. Всем близким он составлял и рассчитывал, как он называл, карты жизни (невежды могли бы обозвать их натальными гороскопами). Составил он таковой и Степе – во времена, когда они были мало знакомы, и он ничего еще не знал о его предыдущей жизни. Нетребин поразился, насколько тот точно угадал все его обстоятельства: в возрасте двадцати двух лет и четырех месяцев переезд в другой город; в двадцать шесть – ограничение свободы; тяжелейший период в лагере и близость смерти в тридцать, а потом, сразу, без перерыва – напряженная научная работа. На будущее тоже получалось у Степана интересно: на тысяча девятьсот сорок девятый год падала резкая смена сферы деятельности. Еще один год перемен приходился на тысяча девятьсот пятьдесят четвертый, а в шестьдесят четвертом Нетребина ждало колоссальное испытание, и должен он будет оказаться на грани жизни и смерти.

Вообще-то, Каревский увидел, что в шестьдесят четвертом Нетребин погибнет, просто облек свое видение в столь тактичную форму. Сказал – испытание. Хотя из сорок девятого года, да еще из лагеря, год шестьдесят четвертый казался столь баснословно далеким, что даже как бы несуществующим.

Степан настолько верил Каревскому и его предсказаниям, что попросил его даже для своего сыночка составить «карту жизни». (О том, откуда он узнал про Юрия, речь впереди.) В целом у мальчика получилась жизнь долгая и счастливая, правда, не без перипетий: в четыре года ребенок обретет новую семью; женится после тридцати. Когда вырастет мальчик, станет много путешествовать: то ли работа с поездками будет связана, то ли хобби у него появится такое. Колоссальное испытание (аналогичное тому, что Степану предстояло пережить в шестьдесят четвертом) ждало Юрия Степановича в восемьдесят восьмом году, а после его линия судьбы истончалась. Впрочем, из монастыря города Владиславля, из-за колючей проволоки, из сорок четвертого, даже завтрашний день казался весьма призрачным – что уж там говорить о годе восемьдесят восьмом.

А о том, что у него есть сын, Степан узнал из письма, что добралось к нему в лагерь летом сорок первого. Осужден он был с правом переписки, вот и послала Елена Косинова ему наудачу в ГУЛАГ депешу. Повествовала об отъезде вместе с Марьей Викторовной в Красносаженск, о тамошнем житье, а главное, о рождении сына и о том, что нарекла она его Юрой, а отцом записала Нетребина. Письмо это добралось до Степана в один день с известием о том, что началась война, а точнее, в начале июля сорок первого года. Наряду с голодом физическим в лагерях практиковали голод информационный: никаких газет, радиопередач, никакой информации о том, что происходит на воле. О том, что фашисты напали на Советский Союз, Степан узнал с опозданием в десять дней.

Елене, конечно, он ответил – однако даже не надеялся тогда, что его письмо доберется до адресата. Впоследствии выяснилось, что оказался Степан в своих расчетах абсолютно прав: нацисты с запада наступали быстрее, чем двигалась с востока советская почта. А писал Нетребин о вещах, которые он считал в тот момент самыми важными: чтобы Лена берегла сына, чтобы ради его же блага дала ему другие фамилию и отчество и чтоб забыла невенчанного мужа и постаралась найти на свободе хорошего человека, который смог бы заботиться о ней и о ребенке. Письмо не дошло, переписка заглохла. Вскоре Степе в лагере стало вовсе не до писем, да и не до мыслей о воле. Надзиратели с началом войны стали лютее к внутренним врагам, повышали нормы выработки, а пайки урезали. Сперва Нетребин стал просто изматываться, а потом начал доходить.

Следующая депеша от Лены достигла его во владиславльской шараге только три с лишним года спустя, ближе к концу сорок четвертого. Косинова с прискорбием извещала о гибели в Красносаженске мамы Степана и его отчима. Сквозь нарочитую бодрость письма (рассчитанную на военную и лагерную цензуру) виделись обстоятельства тягостные: весь родной город Нетребиных разбит; есть нечего; жить негде. Правда, писала Лена, Юрочка, несмотря на хороший аппетит, растет крепким, бодрым и смышленным, она на него ни нарадуется. Услышав сожаления по поводу хорошего аппетита мальчика, Степан понял, что они там, в Красносаженске, просто люто голодают.

Эх, мог бы он с ними хотя бы поделиться своей, ставшей в шараге изрядной, пайкой! Но помочь Лене Нетребин был не в силах. Разве что дать ей волю, предоставить свободу от воспоминаний о нем. От тянущих ко дну мыслей о том, что она жена ничтожного эка. И он снова написал Лене примерно то же, что корреспондировал в первом письме. Уверенность его в собственной правоте за минувшие три года только окрепла. Он опять повторил своей бывшей возлюбленной: она не должна ломать свою жизнь из-за него, ей надо его забыть, выйти замуж и вырастить Юрочку достойным человеком. Он написал это, поразмыслил и приписал: достойным *советским* человеком. Плетью обуха не перешибешь, думал Степан. С советской властью его ребенку нечего тягаться. Мы попытались с братом о ней всего лишь раз поговорить меж собой откровенно – и вот чем кончилось! Пусть уж его сынок и Лена лучше, чем он, приспособятся к этому монстру.

Ответное письмо Лены оказалось спокойней. О себе она коротко сообщала, что жизнь вроде бы налаживается. О том, как она наладилась, Нетребин воочию увидел осенью сорок пятого. Однажды его вызвали в кабинет «кума», то есть начальника оперчасти. Когда Степан явился в келью, ранее принадлежавшую настоятелю, он увидел там красивую, хорошо одетую и смутно знакомую даму. Только звук голоса и отсвет улыбки свидетельствовали: то была Лена. «Кум» с почтением (которое целиком относилось к Лене) вышел.

Они с полчаса примерно поговорили.

Елена поведала Степе, что старается жить, как он ей советовал: то есть главным образом для сына. Она уехала в Москву, а там и впрямь нашла хорошего человека, который любит Юрочку и старается о нем заботиться. У товарища этого в Москве оказалась большая квартира, сам он не молод, семья у него погибла в войну, жена и две дочери, такая трагедия. Страсти между ним и ею, конечно, никакой нет, но человек он хороший, добрый. К тому же достойный: боевой генерал, дошел до Берлина и в Параде Победы участвовал.

В тот момент Нетребин прислушался к своему сердцу и понял, что он и в самом деле не испытывает по отношению к Лене никаких чувств: ни любви, ни ревности, ни даже тепла. Она была совсем чужая женщина, хотя и приятная ему, которой он искренне желал блага. Но вот своего сына (которого ни разу не видел) он любил. Любил и мечтал, чтобы судьба у него сложилась счастливо. И для того чтобы было хорошо мальчику, Степан хотел, чтобы в жизни бывшей любимой все шло ровно да гладко. Судя по тому, как перед ней пресмыкался начальник оперчасти майор Путятин, у нее и впрямь жизнь сложилась неплохо, а новый муж был в столице большим человеком.

Больше Лена ему не писала. И не приезжала. Стал писать сын. Выглядело это так: сначала шли длинные и худые буквы: «Здравствуй, папа!» – а потом ручку брала Елена и строчила своим почерком (но слова ребенка, детские выражения): «Мы ходили с мамой в зоопарк, мне понравился там слон, жираф и воробы».

Себя Степан считал совсем пропащим. Несмотря на то что срок у него кончался в пятидесятом году – а Каревский предсказал ему жизнь как минимум до шестьдесят четвертого, – он полагал, что из заключения его не выпустят. Что-нибудь да придумают – законное, незаконное, легальное, нелегальное: то ли еще навесят сроку, то ли расстреляют втихаря или отравят – но не выпустят. Уж слишком секретными и важными вещами они занимались.

В лаборатории работали несколько вольняшек. А научное руководство осуществляли доктор химических наук, профессор Серебрянский из Москвы и ленинградский медик, тоже профессор, по фамилии Женский. Задачи перед ними ставил полковник МГБ Орлов: создать стимулятор, аналог американского амфетамина и немецкого метадона – однако, по возможности, без отрицательных побочных эффектов и без эффекта привыкания.

Первую часть задачи – создать препарат – они выполнили без особого труда и быстро. Даже до конца войны успели. А вот со вторым пунктом: нивелировать побочные эффекты – приходилось посложнее. Нетребин – он же, черт побери, ученый! – увлеченно экспериментировал, перебирал варианты, искал разгадку, ждал озарений. Работавший с ним в паре Каревский был гораздо циничней, он остужал энтузиазм молодого коллеги короткими замечаниями вроде: «Когда мы с тобой добьемся успеха, главными потребителями нашего препарата станут чекисты – чтобы меньше уставать на ночных допросах».

Всякое лекарство нуждается в апробации. Они начинали испытывать препараты на мышках. Потом – на собачках. Животные после приема гораздо быстрее сучили лапками и выглядели куда более жизнерадостными. У них даже шерсть начинала лосниться.

Однако грызуны и шарики с дружками не могли донести до исследователей всю гамму ощущений от приема препаратов. Не способны они были также поведать о муках, когда возникал синдром отмены. Поэтому новую фармакопею требовалось испытать на людях.

Добровольцев в ГУЛАГе найти оказалось нетрудно. Достаточно лишь пообещать заключенному усиленную пайку, с сахаром и тушенкой, сон в тепле и – главное! – не работать. По этому поводу жестковато шутил Каревский: «Не создадим препарат – нас самих переведут в подопытную группу».

Он же, Каревский, выдал идею, благодаря которой исследования увенчались успехом. Он, используя натальную карту человека, рассчитывал для каждого пациента наиболее благоприятное время приема препарата. Он же сам, первым, на себе испытал новое изделие.

Степан ассистировал ему. Вряд ли когда-нибудь он забудет, как его старший товарищ, седая борода лопатой, сидел, с полужакрытыми глазами, раскачиваясь, время от времени давая указания: «Посчитайте мне пульс» или: «Померяйте давление». И Нетребин, вместе с профессором Женским, заносили в лабораторный журнал, наряду с объективными данными о состоянии здоровья, его субъективный отчет: «Есть ощущение тахикардии и повышенного давления. Кровь приливает к голове. Есть чувство повышения температуры, особенно в верхней части туловища. Мысли становятся более стремительными, словно лихорадочными». А потом: «Мысленные картины быстро сменяют одна другую. Вижу наш монастырь – как бы с высоты птичьего полета. Перед воротами много людей. Стоят автомобили, они диковинные, с обтекаемыми формами. Люди одеты в яркие разноцветные одежды. Одни входят внутрь монастыря. Покупают в кассе билеты. Я вижу: здесь музеи. Я будто бы нахожусь в будущем».

Профессор Женский тогда не поверил Каревскому. Он подумал, что Павел Аристархович просто решил их подурочить. Однако Степа знал: его старший товарищ шутить наукой не будет. Однако, как бы там ни было, видения Каревского они в лабораторный журнал не занесли и полковнику Орлову о них не доложили.

В следующий раз они постарались придать опыту с ясновидением более научный характер. Нетребин тогда разместился в соседнем с лабораторией помещении. Азартные игры в шарашке, как и в любом лагере, были запрещены. Для того чтобы повысить эмоциональность восприятия, Каревский предложил нечто вроде карт Таро. Наделали прямоугольных листочков, на них изобразили четыре различных символа. На первом – пятиконечную звезду, на другом – волны, на третьем – крест, на четвертом – облако.

Впоследствии им эти звезды и кресты припомнят и в обвинительном заключении по поводу пятиконечной напишут: «Проявили издевательское неуважение к символу революции и победы пролетариата». Изображение креста вызовет другую реакцию: «Пропаганда фашизма

и его символов». Почему в случае звезды подследственные проявляли неуважение, а крест, напротив, в их исполнении пропагандировал нацизм? А может, как раз наоборот, они проявили неуважение к кресту? И пропагандировали звезду?

Однако с обвинительным заключением в сталинской тюрьме не поспоришь и вопросов прокурору не задашь. Таков уж был тот жанр: человека могли обвинить во всем на свете – и точно за то же кругом оправдать и наградить. Впрочем, случаи с оправданием, и тем паче с награждением, были ничтожны и единичны. Обвиняли – в десять, тысячу, миллион раз чаще.

Однако в сорок девятом пока ничто не предвещало беды, и друзья во владиславльской шарашке проводили опыты. Каревский, принявший препарат в нужный, рассчитанный специально для него момент, удалялся вместе с Женским в отдельную келью. Нетребин, сидевший в одиночестве в другом помещении, наугад доставал карту, спрашивал по местному телефону: какая? Женский, снимавший трубку аппарата, передавал команду Каревскому. Тот пытался угадать масть.

Испытания продлились около получаса. Дольше не получалось, резкая острота восприятия, проявлявшаяся поначалу у Каревского, сменилась апатией. И по ходу дела не возникло у Степана ощущения, что старший приятель обнаруживает уж какую-то особенную проницательность. Бывало, попадал в точку, но случалось и «молоко». Однако если бы Павел Аристархович действовал всегда наугад, он, по теории вероятности, угадывал бы в среднем лишь одну карту из четырех, и суммарный результат не превысил бы двадцати пяти процентов. Но когда они подсчитали итоги, оказалось, что угаданных карт – больше сорока процентов! Это невозможно было объяснить ничем – только ясновидением.

Об успехе доложили Орлову. Начальник шарашки возбудился чрезвычайно. Это ж какие перспективы открывались! За них в кителе можно уже сейчас дырку под Звезду Героя вертеть. И погоны примерять генеральские. Какое народнохозяйственное, а главное, оборонное значение может иметь препарат! Станут ненужными разведчики и даже следователи. Сел в кабинете, принял микстуру – и видишь как на ладони: карта американских военных баз или зловещие замыслы врагов народа и диверсантов.

Орлов совместно с Женским и Каревским определили план дальнейших исследований.

По реке на барже доставили новых подопытных кроликов – заключенных. Вместе с ними испытания на себе снова решил провести Каревский.

Исследования организовали, как положено, по двойному слепому методу. Одна группа испытуемых принимала экспериментальный препарат – каждый человек в строго определенное Каревским время. Вторую, контрольную группу, потчевали плацебо. Притом даже организаторы опытов не знали, кто получает настоящие пилюли.

Спустя месяц подвели итоги. И выяснилось, что в контрольной группе, как и положено, процент угадывания масти составил ровно двадцать пять, притом он не зависел от времени суток, погоды или уровня образования. А вот те, кого подкармливали экспериментальным лекарством, продемонстрировали совсем иной уровень проницательности. В среднем получилось около тридцати трех процентов! Правда, меньше, чем показывал единолично Павел Аристархович, – но все равно данные означали: препарат – работает! Кстати, открылась довольно странная картина (которая тоже потом ляжет в обвинительное заключение, как вульгарно-социологическая и противоречащая марксизму): чем выше был уровень образования испытуемого, тем большую проницательность после приема вещества он проявлял. Сам Каревский, доктор наук с двадцати пяти лет, со своими сорока процентами был тому живой пример.

Приближалось семидесятилетие вождя, и полковник Орлов замыслил авантюру. Он решил действовать единым махом: или грудь в крестах, или голова в кустах.

Начальник шарашки справил командировку, выехал в столицу и через фронтового друга по СМЕРШу, который имел выход на личного секретаря Сталина, передал Иосифу Виссарионовичу свое письмо (приведенное выше).

В то же самое время в бывшем Владиславльском монастыре плохо стало с Каревским. Синдром отмены, почему-то не проявлявшийся у него ранее, вдруг накрыл Павла Аристарховича с головой. У него началась ломка. Холодный пот, тяжелое дыхание, судороги, угнетенное сознание. На Каревского было страшно смотреть. Он мучился. Начал бредить. Точнее, его состояние было очевидным бредом для других помещавшихся в келье заключенных. Однако Степан понимал, что старший товарищ, возможно, в те минуты что-то *про-видит* и потому пытался как можно тщательней записать его отрывистые слова. Свои тогдашние заметки, исполненные микроскопическими буквами, он пронес впоследствии сквозь все свои лагеря. Ему выпал шанс сопоставить их с действительностью. Порой удавалось находить просто поразительные совпадения. Впрочем, отдельные куски *видений Каревского* оказались полностью невнятными – может, потому, что время предсказаниям сбыться еще не наступило?

Быстро-быстро, но мелко и тщательно Степан записывал за мечущимся в бреду Павлом Аристарховичем:

«Тиран умирает. Гроб. Колонный зал.

Москва. Снег. Март. Хотели женщин праздновать, а попали на поминки.

Люди, люди, люди! Давка. Ломятся. Умирают. Гибнут. Не жалеют себя – все равно ведь: ОН умер. Зачем жить?»

А вот еще:

«Первый полет. Радость. Толпы на улице. Самодельные плакаты. Все кричат, машут. И он на открытой машине. Простое лицо. Майорские погоны».

И еще: то, что для Степана до самого конца его жизни так и осталось желанным, но невоплощенным:

«Революция! Революционеры засели в небоскребе на Красной Пресне. Коммунистические правители бегут из Кремля. Они сдаются восставшим, стреляются. Под рев толпы скидывают с пьедесталов старые памятники. Новый лидер России с танка провозглашает свободу».

А потом Каревский приоткрыл глаза, увидел, что рядом с ним Нетребин, и начал лихорадочно говорить: «Степа, помни, год шестьдесят четвертый, ты должен отомстить всем своим недругам, всем, кто погубил тебя и твоего Тему. Есть у тебя такая миссия на Земле». После этих слов он потерял сознание. Судороги начали сотрясать все его тело. Нетребин помчался за препаратом. Он готов был дать его старшему другу – хоть тот категорически запретил. Какая разница: ломка, привыкание – вещество могло в тот момент спасти! Однако в лаборатории экспериментального средства к тому времени просто не осталось, все запасы, до крошки, ушли на последнюю серию опытов.

А под утро Павел Аристархович скончался. Вскрытие показало: от острой сердечной недостаточности.

Вернулся из столицы Орлов. Известие о смерти заключенного, первым испытывшего на себе несостоявшийся препарат «истал», явилось для полковника сильнейшим ударом. А вскоре отрицательные побочные эффекты проявились и у тех эков, на ком препарат исследовался. Слава богу, никто больше не умер, но ломки, судороги, депрессию, тошноту – в разной степени – зафиксировали у всех.

А тут – беда не приходит одна – явилась из Москвы, из Министерства госбезопасности, комиссия: генералы, полковники, химики, медики, фармацевты. На допросы таскали всех, начиная с Орлова и кончая уборщиками и поварами. В том числе, конечно же, и Степана. Он, потрясенный смертью друга и размахом болезней среди тех, на ком ставились опыты, заявил, что считает эксперименты бесчеловечными, и попросил перевести его в другой лагерь, пусть

даже с гораздо более тяжелым режимом. Ему велели оформить свою просьбу документально – он написал.

Впоследствии эта бумага легла в основу нового обвинения против него. С подачи комиссии против Нетребина и других ученых-заключенных возбудили дело о контрреволюционной деятельности. В вину им ставился саботаж, диверсии, выразившиеся в отравлении советских граждан, и контрреволюционная агитация, которая состояла в восхвалении зарубежной науки, техники и образа жизни. Суд навесил на Степана, как и на его товарищей, новый приговор: двадцать пять лет лагерей.

Исследования прекратили. Препарат, над которым шла работа, был признан вредным и ненужным. Всю документацию по нему уничтожили: просто облили бензином и сожгли в монастырском дворе. Деятельность особого технического бюро при НИИ номер тридцать три прикрыли. Во Владиславльский монастырь перевели шарашку по производству реактивных двигателей.

Полковника Орлова понизили в звании до майора и перевели на Семипалатинский ядерный полигон. Вольных ученых, трудившихся во Владиславле, рассасировали кого куда. Женского, к примеру, перебросили в Подмосковье, на Кошелковский завод «Химпрепарат». А всех заключенных, каждому из которых навесили новый срок, рассовали по разным лагерям на территории Союза, подальше друг от друга. Нетребина, к примеру, отправили в Красноярский край, на Енисей, строить новую, самую крупную и мощную в мире гидроэлектростанцию.

Все правильно предсказал ему великий покойный Каревский: в тысяча девятьсот сорок девятом году он резко сменил направление своей деятельности, последние пять лет до того он, хоть и в заключении, трудился с логарифмической линейкой в руке, ничего тяжелее карандаша не держал. Теперь приходилось сызнова привыкать к совковой лопате и бетону.

Оставалось Нетребину только ждать пятьдесят четвертого, новых перемен, обещанных в его жизни бедным Павлом Аристарховичем. Впрочем, о том, что он когда-нибудь выйдет на волю, Степан теперь даже не мечтал. Он только смел надеяться, что, может, устроится куда-нибудь придурком: хлеб печь или, может, в лагерный медпункт, фельдшером.

Жажда жить и выжить снова расцвела после того, как еще во Владиславле он получил письмо от сына. Наверняка благодаря Елене мальчик писал ему довольно часто. Вот и в тот раз он, уже восьмилетний, тщательными прописями, в линованной тетради сообщал: «Здравствуй, папочка! Я живу хорошо. Погода у нас в Москве хорошая...» И Нетребина вдруг охватила такая любовь к этому еще ни разу не виденному им мальчику, такое желание оказаться с ним рядом, разговаривать, учить, рассказывать, лелеять! У него даже дыхание перехватило, и он понял: ради этой мечты можно стараться дожить.

Наши дни. Варя Кононова

Она все-таки позвонила ему.

Какие слова Лешке сказать, чтобы он понял, что она... Точнее, чтобы он не понял, что она звонит ему потому, что он ей интересен: как человек, как парень, как мужчина? Как замаскировать этот к нему человеческий интерес под служебный? Какой бы повод придумать? Да ведь он разоблачит. Или – может разоблачить. Ведь он ясновидец. А может, и хорошо, что разоблачит?

И, толком ничего не придумав, она нашла его номер в служебной базе и, взяв свой мобильник – чтобы уж потом не отвертеться, а он бы точно знал, где ее найти – махом набрала десять цифр. И не стала даже думать над самыми первыми словами, положила на импровиз. И когда он ответил – голосом глубоким и заинтересованным – само выскочило:

– Алексей? Мне надо с вами увидеться.

Данилов

Ни фига я не чувствовал, кто мне звонит. Не умею я такого предчувствовать. Радиоволны – слишком тонкая штукенция, чтобы их несовершенной интуицией слышать. Даже моей. Поэтому был мне подарок. Я сразу узнал ее голос – хоть раньше ни разу по телефону не слыхивал. А слова, что она сказала, были подобны песне. Были медом на ее губах, маслом на моем сердце:

– Алексей? Мне надо с вами увидеться.

И сердце само подсказало мне ответ на столь прямое предложение – хотя, может, стоило включить ум и расчислить что-то хитренькое, заманивающее девушку прямоиком в ловушку-кровать. Но я сказал безыскусно:

– И мне с вами – тоже. – А потом продолжил уже напористо – напор ведь в данном случае даже более подходящий элемент игры, чем деланое безразличие: – Когда? Давайте прямо сейчас?

– О нет. – Она засмеялась, и вот тут уже началась игра, девушка преодолела ужасное смущение оттого, что она, ах-ах, позвонила первой, и дальше мы каждый свою партию разыграли как по нотам: мужчина нападает, гонит, бежит; женщина стыдливо прикрывается, вырывается, уворачивается, убегает. – Уже поздно.

И впрямь, четверть одиннадцатого вечера.

– Да-да, – сказал я, – ведь ночные допросы теперь запрещены.

Она не приняла шутки, трубка отдавала холодком – может, там у них затрагивать подобные темы не принято? И я как бы подхватил неловко повисшую мысль:

– Тогда давайте завтра. Поужинаем вместе?

– Лучше пообедаем.

– В смысле бизнес-ланч?

– Ну да, – улыбнулась она на другом конце провода, – именно бизнес. – В ее интонации я ясно прочитал, но для того и не надо быть экстрасенсом: станешь правильно себя вести, в следующий раз состоится встреча без приставки «бизнес», а может, и не ланч будет, а ужин, или даже, даст бог, завтрак. Впрочем, это я фантазирую. Мужчины обычно легко воспламеняются и воображают всякое по поводу тех дам, что им любы, и данных ими обещаний.

– Где вам удобно?

И тут последовал небольшой диалог-экскурс по заведениям Москвы, из которого каждый из нас сделал вывод, что собеседник тоже не лыком шит и в точках общепита столицы толк знает: где хорошо, где плохо, где можно, где нельзя, где вкусно, где нет и что чего сколько стоит. В итоге сошлись на ресторанчике «Огнь» (именно так, без срединного «о») на Таганке: в меру демократично и довольно шумно. И все вроде свои, но никто никого не знает и можно поговорить.

Да! Тот день преподнес мне настоящий подарок! И не миллион зелеными, что посулила безутешная вдова Нетребина, а завтрашняя встреча, которую обещала Варвара, была причиной, что засыпал я в тот вечер с улыбкой на устах.

А когда проснулся, первая мысль оказалась не о Варе, а о вдове Алине Григорьевне. Была эта идея ясна и бесспорна: я ДОЛЖЕН принять ее предложение. Именно так она прозвучала, категорическим императивом: должен принять. Мозг, изрядно отдохнувший в процессе ночного сна, сам собой выдал решение: надо согласиться с Нетребиной, подписаться на ее расследование – но не ради мифического миллиона, а просто потому, что НАДО, не знаю почему. Своей интуиции я привык доверять – еще бы, я, можно сказать, ею живу и снискиваю хлеб насущный. Поэтому у меня даже не возникло вопроса, послушать или нет свой внутренний голос. Разумеется, да!

А потом случилась вещь, которую я не стал списывать на свои особенные способности. Она происходит со всеми людьми и означает лишь то, что обе стороны, участвующие в переговорах, обдумали условия, и каждый, со своей стороны, понял, что кондиции его устраивают.

Короче, в пять минут одиннадцатого утра мне позвонила Алина Григорьевна. Похоже, она изо всех сил дожидалась времени, когда, по правилам этикета, станет прилично мне телефонировать.

Она не передумала меня нанимать, однако про миллион, конечно, брякнула вчера для красного словца, будучи в пограничном своем слезливом состоянии. Я не стал хватать ее за язык и кричать по-детски, что «первое слово дороже второго». И мы спокойно договорились, что ее слова об авансе в семьдесят тысяч долларов остаются в силе – однако гонорар мой в случае успеха составит «всего» двести пятьдесят тысяч «зеленых». Все равно получалось больше, чем мой годовой заработок, за который я отчитываюсь перед налоговой. Нетребина сказала, что ее юрист разработает договор, и она пришлет его мне. А пока она попросила меня приехать. Мы договорились с ней встретиться на бульваре, у выхода из метро.

Сегодня Алина представляла собой разительный контраст с собой вчерашней. Тогда она была вся на взводе и несла в истерике все подряд. Сегодня же передо мной предстала выдержанная молодая дама с безупречными манерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.